

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОТДЕЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ

.....

СКАЗОЧНАЯ КОМИССИЯ

в 1927 г.

ОБЗОР РАБОТ

под РЕДАКЦИЕЙ

Председателя Комиссии Академика С. Ф. Ольденбурга

ИЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ЛЕНИНГРАД
1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОТДЕЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ

СКАЗОЧНАЯ КОМИССИЯ

в 1927 г.

ОБЗОР РАБОТ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Председателя Комиссии Академика С. Ф. Ольденбурга

ИЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ЛЕННИНГРАД
1928

Напечатано по распоряжению Государственного Русского Географического Общества.

Ученый Секретарь Академик *В. Л. Комаров*.

Ленинградский Областной № 22302.— Тираж 1000 экз.—5 печ. лист.

Типография 1-й Ленинградской Артели Печатников, Моховая, 4(1).

О ГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Краткий отчет о деятельности Сказочной Комиссии в 1927 г.	5
<i>Н. П. Андреев.</i> Этнографический сборник Пензенской губернии, составленный В. Ф. Невзоровым	7
<i>В. И. Чернышев.</i> Сказки и сказочники «Пушкинского уголка» . .	15
<i>Н. Е. Ончуков.</i> Из Уральского фольклора	27
<i>М. Б. Едемский.</i> Сказки на севере	34
<i>Л. И. Никифоров.</i> Сказочные материалы Пинежья, собранные в 1927 г.	41
<i>А. И. Никифоров.</i> Народная детская сказка драматического жанра	49
<i>В. Я. Пропп.</i> О составлении алфавитных указателей к собра- ниям сказок	64
Resumé en français	79

TABLE DES MASTIÈRES.

	Pages.
<i>Aperçu sommaire</i> des travaux de la Comission pour l'étude des contes populaires en 1927	5
<i>N. P. Andreier.</i> Le «Recueil ethnographique du pays de Pensa» par V. F. Nevezorov. (Compte Rendu)	7
<i>V. I. Tchernychev.</i> Contes et conteurs du «Coin du Pouchkine» .	15
<i>N. E. Ontchoukov.</i> A travers le folklore de l'Oural	27
<i>M. B. Edemskii.</i> Contes du nord	24
<i>A. I. Nikiforov.</i> Matériaux de folklore de la région de la Pinéga, recueillis en 1927	41
<i>A. I. Nikiforov.</i> Le conte populaire pour enfants, genre dramatique	49
<i>V. A. Proppe.</i> Sur les procédés à employer pour dresser des tables annexées aux recueils de contes	64
Resumé en français	79

Краткий отчет о деятельности Сказочной Комиссии в 1927 году.

В отчетном году Сказочная Комиссия имела 6 заседаний, посвященных различным вопросам по изучению и собиранию сказки, заслушан ряд докладов о собирании сказок в разных районах СССР (И. С. Абрамов, Н. П. Гринкова, М. Б. Едемский, О. И. Капица, А. И. Никифоров, Н. Е. Ончуков, В. И. Чернышев, Н. М. Элиаш). А. И. Никифоровым сделан доклад, касающийся вопросов научного собирания новых материалов в настоящее время: «К вопросу о задачах и методах научного собирания произведений устного народного творчества» (напечатан в «Известиях Гос. Русск. Географич. Общества», т. XL, в. 1, Л. 1928). В. Я. Проппом сделано сообщение по вопросу морфологии сказки: «Функции волшебного помощника».

Работы Сказочной Комиссии в 1927 г. продолжались в тех же направлениях, как и в предшествующие годы. Собирательская работа стояла одной из первых задач работ Комиссии. В этом отношении материалы Комиссии значительно пополнились сборами членов Комиссии. Напечатанные в этом сборнике отчеты М. Б. Едемского, А. И. Никифорова, Н. Е. Ончукова и В. И. Чернышева дают подробные сведения о вновь поступивших записях. Кроме этих материалов, собранных членами Комиссии, поступило большое собрание сказок (90 №№), записанных А. Н. Белослюдовым на Южном Алтае (Бухтарминский уезд, Семипалатинской губ.) среди старообрядцев, известных в литературе и среди местного населения под именем «каменщиков».

Кроме собирательской работы, велась и научно-исследовательская разработка сказки членами Комиссии Н. П. Андреевым, А. И. Никифоровым и В. Я. Проппом. Н. П. Андреев продолжал работы по каталогизации вновь поступающих в Комиссию собраний ¹⁾ и по дополнению

---

¹⁾ Н. П. Андреевым приведены параллели к сказочным материалам в печатаемых ниже статьях М. Б. Едемского, Н. Е. Ончукова и В. И. Чернышева.

и уточнению, в связи с новыми материалами, каталога сказочных сюжетов Аарне. А. И. Никифоров начал работы над изучением жанров сказок (см. ниже его статью «Народная детская сказка драматического жанра», а также его доклад «Эротическая сказка»). В. Я. Пропп заканчивал работу по морфологии волшебной сказки¹⁾ и разрабатывал вопросы, связанные с составлением указателей к сборникам сказок (см. ниже статью «О составлении алфавитных указателей к собраниям сказок»). Н. М. Элиаш была занята каталогизацией сказочных материалов в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук.

Кроме того, Комиссией продолжается работа по библиографии сказочных текстов.

---

¹⁾ Результатом работ В. Я. Проппа является напечатанная Гос. Инст. Истории Искусств книга „Морфология сказки“. Л. 1928.

Этнографический сборник Пензенской губернии, составленный В. Ф. Невзоровым.

Н. П. Андреев.

В Сказочную Комиссию был представлен обширный сборник сказок, легенд, песен и пр., составленный Василием Федоровичем Невзоровым, работавшим в Пензенском Губернском Земельном Управлении. Материалы В. Ф. Невзорова собраны в 1914—1916 г.г., главным образом в селе Долгоруково Нижне-Ломовского уезда. Фонетические особенности в записях не отмечаются (за исключением некоторых), но тексты переданы точно. Всего в сборнике 155 №№ сказок, легенд, преданий и анекдотов. При почти полном отсутствии опубликованных записей из Пензенской губернии сборник В. Ф. Невзорова представляет значительный интерес, но, к сожалению, издать его по недостатку средств не представляется возможным. Даём здесь обзор сюжетов, входящих в сборник¹⁾.

I. Сказки Е. Я. Сенькина (с. Долгоруково; рассказчику лет 45).

№ 1. Предание об оборотне (теща обращает зятя в волка; через 2½ года один мужик возвращает ему человеческий вид).

№ 2. Предание о мертвце (мертвец преследует барина, слугу и собаку, забравшихся на ночлег в его избушку в куче одоньев; позже избушку сжигают).

№ 3. Как солдат хоронил покойников (солдат почует в избе с покойником, бьет встающего мертвца и берется похоронить его; бежит от мертвца и спасается от него с помощью другого мертвца; спасается затем бегством от «девки», вставшей из гроба и, наконец, на родине—от брата-мертвела; далее *410 I, 508 А; ЗВ 7).

№ 4. 315 А; А 118.

№ 5. Рассказ о разбойнике (разбойник грабит солдата; солдат затем убивает его из засады).

№ 6. 650 А, 518, 302; А 95.

№ 7. Предание о чудесном старике (он велит нагнуться березе и за волосы привязывает к ее вершине напавшего на него грабителя; береза разгибается, на голове у грабителя не остается ни одного волоса).

¹⁾ О системе указаний см. „Сказочная Комиссия в 1926 г.“ (Лн. 1927), стр. 6—7.

№ 8. 566; А 113.

№ 9. *895; см. Записки Красноярского Подъотдела Р. Г. О. по отделению Этнографии, т. I, вып. 2, № 42.

№ 10. Легенда о продаже души черту (работник продаёт черту душу, чтобы жениться на хозяйке; жена приводит его в церковь, где его расписка падает во время херувимской; ср. 810).

№ 11. Полу-исторический, полу-анекдотический рассказ про Суворова на «цицарской» войне.

№ 12. 519; А 116.

№ 13. 465 А; А 122.

№ 14. Солдат на диком острове (живет с дикой женщиной, приживает с ней ребенка, покидает ее; она разрывает ребенка и бросает половину следом за солдатом; О 248). Ср. аналогичный эпизод в сказках о Борме = *485 А, напр., Сд 2.

№ 15А (в рукописи без номера).—Рассказ о том, как солдаты стриженые пошли (впервые острог Суворов).

№ 15В. Диво (какой-то большой человек съедает у охотника собак и сыновей; он приходит в себя дома—собаки и дети спят).

№ 16. 303; О 4.

№ 17. 612; ЗВ 103.

№ 18 (706), 301, 315 А, 300 А; А 71, 118.

№ 19. *1683; А 249 т.

№ 20. 1136; ср. Ск 48.

II. Сказки Ф. И. Киреева (с. Долгоруково; рассказчику лет 75).

№ 1. Как пастух искал царствие небесное (попадает в монастыри; угощает Христа на иконе хлебом; см. Grimm 209).

№ 2. Как мужичек обедал со Спасителем (вариант предшествующего рассказа).

№ 3. 922; ЗВ 37.

№ 4. Про нечистую силу (разные случаи, когда видели чертей).

№ 5. 1670* (солдат голым отдает честь императрице).

№ 6. *847, 1789*; Ск 9.

№ 7. Мордвин в попах (обучает кота читать—ср. один из анекдотов о попе Амисе; далее 1825—ср. О 63, Ск 12, 83).

№ 8. Мужик и разбойник (разбойник заставляет попавшего к нему мужика принять участие в грабеже).

№ 8. Мужик и черт (черт загадывает мужику загадку о бороне, мужик черту—о кресте; черт не может назвать отгадку).

№ 10. 1163 (черт учит кузнеца). Ср. Гринченко. Этнографич. материалы, собранные в Черниговской и соседних с нею губерниях, вып. I, № 15.

№ 11. Чорт и плотники (плотники строят черту дом; пользуясь советом дьякона, опойцы спасаются).

№ 12. Опойца в гостях у кума (черт ездят на опойцах).

№ 13. Как божья матери спаслась от погони (мужик сеет горох; когда приходят преследователи, горох оказывается уже поспевшим).

№ 14. Бабушка у чертей на повое (получает способность одним глазом видеть чертей; позже черт выкалывает ей глаз).

№ 15. 613; А 66 («Правда и Кривда», своеобразное изложение).

- № 16. Платон (чорт доставляет солдата на родину).
- № 17. 1531, 1526 (разбойники наряжают бедняка барином).
- № 18. *664 В; О 171.
- № 19. Едун съедает у охотника собак и сыновей; оказывается, все это лишь померещилось охотнику (ср. выше I, № 15 В).
- № 20. Мужик видит леших.
- № 21. Праведник Косма (живет в монастыре, исцеляет больных; игумен обвиняет его в разврате, велит 3 года чистить помойные ямы; после этого праведник уплывает по реке на камне, встречается с братом, умирает).
- № 22. 613, 1162; А 66, 90.
- № 23. Как мужик бога увидел (по указанию старика мужик идет в церковь с дубинкой; видит пробирающегося в церковь черта). Рассказ не вполне ясен.
- № 24. 841 (как черт с богом мужика пожалели).
- № 25. Едун (глотает озорных ребятишек; по просьбе родителей выхаркивает их); ср. 333 А (Красная Шапочка) и *333 В («Глинышек»; напр., О 102).
- № 26. *937; Ск 100.
- № 27. На заработках (казак с сыновьями убивает и грабит рабочих; один из них спасается и уличает казака по выкушенному куску мяса).
- № 28. (*672 I) (Как мужичек змеиное сало лизал); ср. Сд 47.
- № 29. Спор о вере (солдат обваривает татарина в бане кипятком); ср. А 248 и примеч.
- № 30. Как солдата ограбили (солдат, возвращаясь со службы, в одной деревне крестит ребенка; у него видят деньги; похищает и грабит его; его уличают).
- № 31. Как солдат воду напустил на балу (обморочил присутствующих; ср. *664 А; А 214).
- № 32. Чорт и вор (вор спасает младенца от черта, сказав ему при чиханье: «здравствуй, ангельская душка»); ср. См 63.
- № 33. *1920 D; А 231 а.
- № 34. Предание (Как мужик у черта ребенка отбил).
- № 35. Картузники и обезьяны (обезьяны, утащившие картузы, бросают их на землю, подражая догадливому мужику).
- № 36. Попугай (по просьбе попугая плотники узнают от его товарищей в лесу, что он может спастись из клетки, притворившись мертвым).
- № 37. Как солдат душу черту продал (набирает чертей в мешок); ср. 330 В; А 90.
- № 38. *654 I; ЗП 100.
- III. Сказки И. Г. Худякова (слепой, 35 лет; сказки рассказаны очень подробно).
- № 1. Предание (как солдат колдуна склонил).
- № 2. 675; А 100.
- № 3. *931 II (о львице); ЗВ 29.
- № 4. 652; А 143.
- № 5. 563; А 108.
- № 6. Сын отыскивает пропавшую мать; ср. 301; А 93 а.

№ 7. *796 I, 752; См 122, 312.

№ 8. *855, (*860); ЗВ 104, 127.

№ 9. Предание о мертвце, встающем из гроба (один старик занимает его место, затем пробивает его тело осиновым колом).

№ 10. Вихрь Вихревич (герой возвращает похищенную девушку с помощью разных предметов, данных ему стариком). Ср. 301, 313; А 71, 125.

№ 11. 1164; А 236.

№ 12. *1577 I; О 194.

№ 13. *934; См. 52.

№ 14. Провалившийся монастырь (построенный ростовщиком монастырь проваливается; спустившийся в провал странник видит муки ростовщика и узнает от чарта, как можно спасти душу его).

№ 15. 881; «Живая Старина» 1912 г., II—IV, стр. 238—241.

№ 16. 330 А; Афанасьев, Легенды 16.

№ 17. 307; А 207.

№ 18. 665; А 145

№ 19. 910 В; А 192.

№ 20. 566; А 113.

№ 21. Как мужик подал чорту трудовую копейку (чорт помогает ему за это: они нанимаются молотить за столько зерна, сколько увезут на себе, и увозят целый амбар)

№ 22. *936, 400, 329; См. 49.

№ 23. Кто мужика убил (раскаявшийся скунец должен раздать часть денег на добрые дела, а с остальными странствовать, пока его не убьют; убить его решается только богатый мужик с младшим сыном; убитый ведет парня с собой и показывает ему братьев в раю, а родителей в аду); для второй части ср. *804 I; О 119

IV. Сказки О. М. Марухиной (с. Троицкое, Краснослободского у.; О. М. Марухина, 19 лет, слышала сказки от отца, М. Ф. Марухина, 50 лет).

№ 1. 1875, 121, 1910*; ЗВ 34, А 24 в.

№ 2. 955; А 200.

№ 3. Как сын чорту продался (идет в баню, влезает в рот чорту, сам становится чортом; черти его разрывают).

№ 4. Прында-буканка («Прында» в конопле пугает внучку, бабушку и дедушку); ср. М. М. Серова. Сборник русских сказок, № 1 («Пых»); Чубинский. Труды этногр.-статистич. экспедиции в западно-русский край, т. II, отд. I, № 30.

№ 5. Про Ужа (муж—Уж; мать убивает его; жена превращается в кукушку, дети—в птиц); ЗВ 107.

V. Побасенки ее же (слышала от него же).

№ 1. Цыган гонит сына «вон со двора» и гонится за ним через все поле; сын: «Тятька, по кою пору твой двор-то?»

№ 2. *1371; А 249 к к.

№ 3. 902; См 119.

№ 4. Муж продает лошадь и корову для нарядов жене; пашет на жене, потом на теще.

№ 5. Отец зарезал украденную овцу, сказав, что режет чертена; сын мальчишка проболтался было, но ему не поверили.

№ 6. 1405; X I 31.

№ 7. Солдат нарядил жену; она не хочет идти с ним рядом, он велит ей одеться в старое.

№ 8. Ленивая баба несет шить рукава соседке, так как самой ей «некогда», но пока соседка шьет, все время болтает с ней.

№ 9. Мужик уступает место на полатях будущим детям; подвигается к краю и падает с полатей (ср. *1430 A; A 249 i i).

№ 10. Отец и сын дают зарок не пить «без дела»; вскоре меняются кочедыками и один дает другому в придачу $\frac{1}{4}$ ведра водки.

№ 11. Хитрый мужик забирается на ночлеге на печь, бросив туда свой полушибок и сказав, что он полон вшей.

№ 12. Мужик говорит про свой дырявый полушибок, что его изъели вши; мордовка тщетно ищет вшей.

№ 13. 1560 (поп говорит за обедом дураку-работнику: «будем делать вид, что едим»; работник в поле: «будем делать вид, что работаем»).

№ 14. Поп берется чинить салоги, чинит плохо, мужик бьет его.

№ 15. Попу некогда идти хоронить бабу: у него играют в карты, и у матушки «хлюстик».

№ 16. Баба бьет много кувшинов; муж покупает новый и бьет бабу заранее всякий раз, как она идет за водой.

№ 17. Присказка.

№ 18. Ленивая мать и дочь летом не хотят жать: жарко; зимой ждут, не позвут ли их на жниво. Ср. Саратовский Этнографический Сборник, I, стр. 260, № 9.

№ 19. Мордвин едет в лес; ест у хлеба корки, а мякиш бросает; на обратном пути, проголодавшись, подбирает вавоз: не мякиши-ли?

№ 20. Собака, видя летом свою тень, думает, что ей нужен огромный дом; зимой жалеет, что не построила себе дом: дом ей нужен бы маленький.

№ 21. Одна баба говорит другой: «Говорят, мужик сороку родил»; другая—третей: «Мужик сорок сорок родил» (ср. Чудинский 7).

№ 22. Жена говорит мужу, уходящему на заработки: «Если утонешь, рубашку-то домой пришли».

№ 23. Хвастливый новобранец на вопрос о числе рубах у него отвечает: «Если пять купить, будет шесть».

№ 24. Хохол тонет, обещает поставить свечку с дерево; спасается. Где же я возьму столько воску?; ср. A 248 z.

№ 25. Солдат хватает чужую утку; ему кричат: «Что ты делаешь? Ведь, это утка!»—«А я думал—селезень!» отвечает он.

№ 26. Баба говорит зятю: «Кушай!», а солдату: «Ешь!»; солдат не пускает зятя в другую чашку.

№ 27. Солдат на ночлеге съедает поросенка. Хозяин: «А я таких свиней не уважаю!» Солдат: «А я молоденых-то и люблю».

№ 28. Баба спрашивает мужа-бедняка, когда они поедут к празднику. Муж отвечает: «Как люди отпустят»; люди не дают им зи-циунов. Ср. См 119.

№ 29. *1541 I; A 220 (мужик приглашает барскую свинью в гости).

№ 30. *1610 I; A 248, примечание («И чужую мать матушкой назовешь»).

№ 31. Жадный богач на масленице втыкает в бороду рыбью кость, найденную на дороге: будто и он ел рыбу.

№ 32. Как мужик нашел вора: заставил всех ухватиться за веревку и спрашивает: «Ухватился ли и тот, кто колач съел?»

№ 33. Отец говорит: «У нашалившей дочери соломинка вырастет»; дочь обрезает соломинку и тем выдает себя.

№ 34. Плохая швея, когда ей говорят, что она плохо шьет, отвечает: «Все равно, пороть буду!»

№ 35. «Сумела стряповать, а не сумела подавать», говорит солдат старухе, подавшей ему поросенка после щей и капи. Ср. А 248 f (конец).

№ 36. Мужик-хвастун разглаживает бороду; бедность его обнаруживается, он суживает бороду.

№ 37. Бедняк покупает гуся, зовет гостей, жена съедает гуся; в другой раз он бьет по чугуну и кричит на улице: «Голяк гуся купил!»

№ 38. Дочь съедает все вкусное; мать жарит для нее кошку; дочь: «Это не кувик (поросенок) и не кудак, а мяу!». Ср. Гринченко I, № 102.

№ 39. Два брата: «Либо я на базар, а ты пахать, либо ты пахать, а я на базар».

№ 40. Чорт не спешает работать у кузнеца.

№ 41. *2102 A; A 248 u.

№ 42. Мужик отрезает у курицы сначала ноги, а потом голову, чтобы она не убила его ногами.

№ 43. Мордвин держит блюдечко, из которого льется на него горячий чай; кричит: «Что стоит?»; роняет и разбивает блюдечко.

№ 44. *2100; A 248 m (Кто увидит лучший сон?)

№ 45. Ворона несет своих птенцов; последний из них обещает так же нести своих детей впоследствии.

VI. Сказки А. Косороткиной (с. Долгоруково; рассказчице 65 лет).

№ 1. 531; A 103.

№ 2. 1006, *1013 I, 1045, 1072, 1063, 1130, 1132; A 87, 89.

№ 3. *1920 D, *1885, *1900 B; A 231 a.

№ 4. Предание о домовихе: голос из болота просит передать домой известие; из дома убегает домовиха.

№ 5. Мужик продает черту жену; богородица заменяет ее.

№ 6. Богатый брат подает бедному на Пасху дохлую кошку; в ней оказываются деньги, исчезнувшие у богача из сундука. Ср. 834 A; Гринченко I, № 169.

№ 7. 1381; A 238.

№ 8. Черти приходят к девкам на поседки, одна девочка узнает их; девки убегают.

№ 9. *241 II; A 33.

№ 10. 1365 A; A 237 в (только начало).

№ 11. Девка идет ночью в баню, черти уводят ее в море.

№ 12. Мужик, у которого украли лошадь, нанимается в работники к укравшему; отправляется с ворами на новую кражу и запирает их в конюшне; не может разбудить хозяев, пока не тушит зажженную ворами свечу из человеческого пальца.

VII. Сказки разных рассказчиков.

- № 1. (Рассказчик Е. Калинин).—325, 516; А 140, О 297.
№ 2. (Рассказчик Козикин, мордвин).—473*, 804**; См 55.
№ 3. (Рассказчик неизвестен).—Рассказ о кладе: клад кричит в новой избе: «Выду, выду!»; солдат: «Выходи!»; выходит гроб с кладом.
№ 4. (Рассказчик М. Шамаев).—(363—ср. А 206), 407; А 206.
№ 5. (М. Шамаев).—1675; См 267.
№ 6. (М. Шамаев).—1831; ЗВ 59.
№ 7. (Рассказчица А. Шамаева).—955*; А 199.
№ 8. (А. Шамаева).—У неряхи кухарки, которая не крестит посуду, чорт жиреет; его видят старец и сообщает об этом хозяину.
№ 9. (А. Шамаева).—545 В; А 98.
№ 10. (А. Шамаева).—612; ЗВ 103.
№ 11. (А. Шамаева).—931; См 21.

Василий Федорович Невзоров.

(ум. 9 августа 1928 года).

Когда моя заметка об «Этнографическом сборнике Пензенского края» набиралась, составителя сборника уже не было в живых: в ночь на 9-е августа В. Ф. Невзоров скончался от разрыва сердца, всего лишь 49 лет от роду (род. 1 апр. 1879 г.).

Сын сельского дьякона, В. Ф. Невзоров учился в Пензенском духовном училище, затем в духовной семинарии, по окончании которой в 1900 году поступил учителем в с. Александрию Саранского уезда и учительствовал с перерывами до сентября 1908 года. Еще семинаристом В. Ф. принимал участие в подпольных революционных организациях молодежи; будучи учителем, он распространял революционную литературу среди крестьян и в то же время начал собирать этнографический материал. Вследствие доноса о его революционном влиянии на крестьянство В. Ф. оставил в 1908 году учительскую службу и поступил с середины 1909 года статистиком в Пензенское Земельное Управление, где и работал до 1912 года. За это же время В. Ф. прошел полный курс Харьковского университета по юридическому факультету (характерно для широты его интересов, что еще в 1904—1906 г.г. он состоял студентом Казанского Ветеринарного Института). Интересы его привлекают метеорология, и в 1915 году выходит его первая работа «Климат и погода Пензенской губернии». С 1918 года В. Ф. назначается заведывающим Пензенским Губернским Метеорологическим Бюро и выпускает ряд работ по метеорологии («Засуха и борьба с ней» 1921 г., «О фенологических наблюдениях» 1922 г., «Климатический очерк Пензенской губернии» 1925 г., «Анализ и синтез барических колебаний» 1925 г. и много мелких статей и заметок). По его инициативе издан в 1925 году «Юбилейный сборник в память И. Н. Ульянова» (отца В. И. Ленина), а к десятилетию Октябрьской революции в Пензе построена Народная Обсерватория имени И. Н. Ульянова.

Широко образованный человек, специалист — метеоролог, энергичный деятель — практик, Василий Федорович до конца дней своих не порывал связи с этнографией и не оставлял этнографических наблюдений и записей, результатом чего и явился его обширный сборник. Заветной мечтой покойного было увидеть в печати «Этнографический сборник Пензенского края». К сожалению, он не дождался осуществления этой мечты при жизни; быть может, хоть теперь, с опозданием, сборник будет издан.

Н. Андреев.

Сказки и сказочники „Пушкинского уголка“.

В. П. Чернышев.

(Из наблюдений во время поездки, летом 1927 года, в окрестности с. Михайловского, бывш. Опочецкого у. Псковской губ.).

1. Прасковья Григорьевна Кузнецова, проживающая на хуторе Озерки, неграмотная 70-летняя вдова, родом из Ворбонча, мать большого семейства. В ее доме обычно рассказывают сказки на праздниках, при сборе гостей. Старший, отделенный сын ее рассказывает в своей семье сказку о Бове, второй слыхал много сказок, но сам рассказывает только одну большую сказку: «Ивашко - медвежье ушко». Этих сказок мне не удалось услышать. Живущие при Пр. Гр. младшие сыновья ее, недавно женатые, сказок слыхали много, но рассказывать их не умеют. До моего приезда, у них на хуторе жил пожилой работник, который знал несколько длинных сказок и хорошо их рассказывал. Прасковья Григорьевна, под гостепримным кровом которой я прожил более двух недель, к сожалению, была всегда очень занята по хозяйству, и ее сказки я почти все записывал после того, как их выслушал, на память, без подробностей, без сохранения ее языка и стиля. Каждую записанную таким образом ее сказку я ей прочитывал и просил исправить неверно написанное. Иногда я получал от нее существенные поправки и добавления. Вообще же диктовала сказки она неохотно; тем более, что, не будучи привычной рассказчицей и не владея прочным, затверженным текстом, она не умела задерживать своей речи и делать приостановки, необходимые при записывании. Такие приостановки сбивали ее с толку и сильно мешали правильному, плавному течению ее рассказа. Только две сказки, 1-ую и 2-ю, я записал от нее со слов, с возможной точностью. Для этого 2-ую длинную сказку она мне рассказала два раза. Эта вторая ее сказка («Иван-царевич, Иван-кухаркин и Иван-сучкин - плошкин»), кажется, лучшая из всех моих записанных по древности, художественности языка и всего склада повествования. Эти достоинства текста объясняются личной даровитостью рассказчицы: памятливостью, сообразительностью, чувством красоты и хорошим вкусом. Таким образом, лицо, неизвестное как сказочница, оказалось носителем прекрасных текстов, которые привлекли ее внимание

ние занимательным содержанием и изящной формой. Кузнецова знает и поет свадебные и другие песни, хотя уже многое забыла.

1. Жених разбойник. Бытовой рассказ. Девушка, которая была в доме одна, отрубила топором палец лезшему в окну разбойнику. Разбойники приехали потом богатыми сватами,—родители отдали им девушку. Жених предоставляет ей возможность убежать. Она сначала скрывается от преследования в лесу на елке. Потом на дороге старик закапывает ее в воз с соломой. Разбойники тыкают в воз штыками и уезжают. Старик привозит к родителям девушку мертвой. Ср. у Афанасьева № 199, у Садовникова № 106, у Смирнова № 127 (вариант довольно близкий), также № 156а, у Ончукова № 13, у Зеленина (Пермск. ск.) № 71. Aagpe 955*¹⁾.

2. Иван-царевич, Иван-кухаркин и Иван-сучкин. С своеобразный вариант старой сказки о богатырях, рожденных от вкушения чудесной щуки. Ср. Афанасьев, №№ 76, 77, 78. Эти сказки сходны с нашей по началу, до победы героям волшебниц, мстящих за убийство своих мужьев-змёев. Конец—приключение в подземном царстве и выход оттуда с царевнами-красавицами, как в сказке № 79. Наша сказка отличается оригинальным введением, своеобразной комбинацией частей и многими мелкими особенностями во всем ходе повествования. Ср. у Смирнова № 183 (с другим концом). Aagpe-Андреев *300 В, 301 (A).

3. Легенда о происхождении рыб. Когда Христос ходил по земле, около реки к нему выпрыгнула лягушка. Он провел ей обратиться рыбиной. До этого рыб не было.

4. Проклятая невеста. Живет у нечистых; на ней женится парень, который этим освобождает ее от власти чертей. Имеет некоторое сходство с сказкой, конспективно записанной Пушкиным, (Соч., 2-ое издание под редакцией Морозова, II, 339). Ср. Афанасьев № 126, Садовников № 35. Aagpe-Андреев *813 А.

5. Марко богатый. Начало о Христе в гостях у Марка богатого. Афанасьев № 173, Смирнов №№ 50, 148, 189, 309. Aagpe-Андреев *751 II, 930.

6. Иван Романов. С своеобразный вариант сказки «Счастливое дитя», с другим началом и особым содержанием. В начале легенда о праведнике, не ходившем в церковь. Ср. у Смирнова № 313, довольно близкий вариант; у Афанасьева № 143, у Ончукова № 61; для начала ср. Зеленин (Вятск. ск.) № 93. Aagpe-Андреев *826, (652).

7. Жених разбойник. Отрывок сказки, близко напоминающий «Жениха» Пушкина. Афанасьев, № 200, Азадовский, № 20, Ончуков, №№ 13, 93, 295, Смирнов, № 344. Aagpe 955.

8. На игрище у нечистых. Ср. подобный рассказ у Добролюбского, IV, 141, № 1 (с иными подробностями).

9. Иванушка дуряньшка. Вар. у Афанасьева № 87 («Батрак»). Aagpe 650A, 1132, 1120, 1653B.

2. Жительница с. Петровского, уроженка дер. Ходорыгина, около 50 лет, женщина бедная, многосемейная, неграмотная. Имени сказать ни за что не хотела,—боялась, что попадет в газету или

¹⁾ Ссылки на каталог Aagpe сделаны Н. П. Андреевым.

под суд. Как рассказчица, она не выше посредственности. Речь ее довольно бойкая, но не выработанная относительно связи, формы и содержания, в данном случае была особенно слаба потому, что она сильно волновалась. Кроме трех записанных мною сказок (одна конспективно и неполно), я выслушал от этой сказочницы еще: 1) анекдот о глупом Иване (который в гостях у тещи не ел за обедом, потому что его в ноги толкнула свинья, а он думал, что жена дает понять, что он много ест; ночью он проголодался, стал в потьмах искать кушанья, нашел тесто, ел его, перепачкался и т. д.), 2) сказку о Лисичке, обычного содержания и 3) сказку о Коньке-горбунке, которую она слыхала от хороших сказочников, но плохо усвоила.

10. Про разбойников. Рассказ, сходный со сказкой Пушкина «Жених». См. выше № 7.

11. О Тимофееве. Демонологический рассказ о женитьбе на проклятой девушке, живущей у нечистых. Ср. выше № 4 (но здесь изложение совершенно иное).

12. Без ручка. Конспективный набросок известной сказки, записанный мною на память, невполне. Aargne 706.

13. Марфа Федотовна, уроженка б. пригорода Ворбонча, 21 года, бедная сирота, невестка А. Ф. Дворецковой. Молодая, скромная и трудолюбивая женщина, мать двоих детей, знает немного грамоте. Сказки слышала до замужества от старой тети, живущей далеко отсюда. Памятливая и толковая рассказчица, но мало слыхала сказок.

13. Ореховая веточка. То же, что «Аленький цветочек» Аксакова. Ср. у Афанасьева № 155, Смирнов, № 84. Aargne 425 C.

14. Муж-собака. (Амур и Психея). Женщина обещает собаке выдать за нее свою девочку, если она будет ее нянчить. Собака исполняет ее желание и женится на девочке, когда она выросла. Днем муж имеет вид собаки, ночью он добрый молодец. Жена сжигает собачью шкуру, чтобы сохранить мужа навсегда в человеческом образе. Он исчезает. Ср. Афанасьев, № 156 («Сопливый козел»). История искания исчезнувшего после сожжения собачьей шкурки молодца-мужа сходна с искоманием Финиста-ясна сокола (Афанасьев, № 129). Чтобы найти мужа, покинутая жена сносила трои железные чоботы, съела три решета железного бобу и достала живой воды. Когда она спрыснула ей собачью шкурку, муж явился, но она померла от волнения. Ср. Садовников № 13 («Козья Шкура»). Aargne 430, (425A).

14. Петр Андреич, отец Мани Петровой, 55 лет, фамилии сказать не хотел. Живет близ Тригорского сада. Прежде знал много сказок, но почти все позабыл после тяжкой болезни: паралича от сильной простуды, с которым пролежал в больнице около года; до настоящего времени не совсем оправился от болезни. Рассказчик тягучий, то долго припоминающий, то излишне распространяющийся. Сказки в его изложении получаются неполные и несколько спутанные.

15. Григорий. Сказка о похождениях несчастного неудачника, напоминающего героя «Шемякина Суда». Близкий вариант у Соколовых № 67 («Как я в Питер ходил»), более отдаленный у Смирнова № 187. Aargne 1875, 1877, 1680.

16. Иванушка-дурашка. Дурак караулит репу, убивает из ружья своего дядю, спрятанного на чердаке их дома; избавляется от

суда потому, что отец и братья заменили убитого козлом. Конец сходен со сказкой Афанасьева: «Дурак и береза», № 225, и Смирнова, № 266, 302, 306; Ончуков, №№ 134, 298. Аарне 1600.

5. Петр Григорьевич Брюсов, 75-ти лет, неграмотный, житель деревни Луговки, бывший монастырский крестьянин. Коренной житель местности, земледелец и отчасти садовод. До войны жил зажиточнее, теперь стал беднее. Исполняет у себя все домашние работы, даже пашет, хотя сын просит старика не браться за такую тяжелую работу. Человек рассудительный и сдержаный. Рассказывает он спокойно, толково и последовательно, без затруднения задерживая свою речь для записи. В обращении учтив и любезен. Рассказчик определенной хорошей школы и стиля. Он говорил мне все сказки прямо под запись, при чем я не оказывал никакого влияния на выбор и последовательность сообщаемого мне сказочного материала. В изложении применяется к современному официальному языку («товарищ-судья» и иод.). Любят некоторые книжные выражения («в этот момент» и др.). Сказки рассказывал мне с известным выбором. Мне говорили, что он знает очень длинную и веселую сказку о ерше, но он решительно отказался ее сообщить, заявивши, что она «шкверная». При тяжелых условиях («жизнь не везла») много сказок забыл. «А, бывало, ночь не спим, просидим до свету, сказки сказываем,—вот рождественским постом». Песен не поет и не знает. Брюсов сказочник памятливый и умный, но несколько холодный и без богатого воображения.

17. Марко богатый. Варианты у Афанасьева № 173. Наш вариант с некоторыми особенностями в содержании. Аарне 461.

18. Иван-купецкий сын. Иван-купецкий сын после смерти богатого отца, по его завещанию, прекратил торговлю на 12 дней, пошел на охоту, ничего не убил. На обратной дороге увидел ворона, в которого целился, но не мог выстрелить. В последний раз ворон прилетел к нему на плечо. Иван приносит ворона к себе и угощает его, потом едет на вороне к нему в гости. Ворон три раза опускает его над морем—и всякий раз подхватывает, не давая утонуть. От матери ворона Иван достает волшебное золотое яйцо, с которым идет к царю и строит дворец лучше царского. Царь, по наущению совета, заставляет Ивана достать Алену Прекрасную. Ворон едет с Иваном-купецким сыном на корабле в землю Алены Прекрасной, привлекает ее на корабль чудной игрой (музыкой), угощает вином и заснувшую увозит. Алена, пробудившись посреди моря, бросила в воду свои серьги. Для венчания с царем она потребовала достать ей от отца венчальное платье, за которым посылают Ивана. Он едет с вороном. Ворон обрастил себя в коня, а Ивана в нищего. Конь стал играть около церкви, народ бросил службу, стал его ловить; Иван в это время вошел в церковь, взял платье царевны, поймал коня и уехал. Затем по требованию Алены они достают карету ее отца со дна моря, потом ее серьги, которые получают при содействии волка-медный лоб, взявшего с Ивана слово, что за услугу съест его, когда он поедет венчаться. Волку достает серьги рак, старший над всеми раками. Алена заявляет, что выйдет замуж за того, кто отопрет ее коляску: отпер только Иван-купецкий сын. Для избавления жениха Алены от смерти ворон сделал статую и посадил ее с Аленою Прекрасной, а Ивана-купецкого сына

посадил в темную коляску. Волк съел статую, а Иван-купецкий сын остался в живых.—Из нескольких сказок Афанасьева об Иване-купецком сыне ни одна не сходна с нашей. Отдельные элементы ее можно указать в разных сказках (благодарный ворон—тот же благодарный орел в сказках о Морском царе и Василисе Премудрой, № 125, похищение Елены Прекрасной, при несколько иных обстоятельствах, известно в сказке о семи Семионах, № 84, чудесный рак-властитель, добывающий со дна моря платье царевны, есть в сказке о Жар-птице и Василисе или Елене царевне, № 103 а, но сочетание их совершенно оригинально. Ср. «Волк-медный лоб» у Садовникова № 11. Очень любопытно указание на хранение царского имущества в церкви—черта большой древности! Аагне (531).

19. Золотая гора. Оригинал в сказках «Тысячи одной ночи»; у Афанасьева № 136, отрывок; Смирнов, № 49. Наш текст полнее и ближе к арабскому первоисточнику. Aarne-Андреев *936, (400 A, 518).

20. Царь Салтан. Один из тех вариантов, от которых идет сказка Пушкина. Частично значительно совпадает с текстом Пушкина. Aarne 707.

21. Неверная жена. Род бытовой повести с некоторыми сказочными мотивами. Несколько сходна со сказкой: «Васенька Варегин» (Зеленин, «Пермские сказки», № 14, и «Вятские сказки», № 103). Другие варианты у Смирнова №№ 78 и 349. Аагне 612.

22. Вышивательница ковров. Отрывок Арабской сказки о вышивательнице ковров, осложненный исполнением задачи: идти туда, неведомо куда, найти то, неведомо что. Варианты, с такой же комбинацией, у Афанасьева № 122. Наш вариант краткий, но своеобразный. Aarne 465 A.

23. Новейшая народная повесть о малолетней мудрой девочке, решающей трудный судебный вопрос. Примыкает к старым книжным и устным сказаниям о мудрых детях. Прием обнаружения неточности судебных показаний обвиняемых справками по календарю о темной или лунной ночи применялся в судебной практике нового времени при громких процессах. Его использовал, например, в целях правосудия при разрешении одного значительного дела Авраам Линкольн, первоначально известный, как выдающийся адвокат. Вариантов в наших сборниках сказок я не нашел; у Аагне также нет.

24. Сказка о рыбаке и рыбке. По Пушкину. Aarne 555.

25. Об Иване-царевиче и Жар-птице. У Афанасьева варианты под №№ 102, 103. Наш вариант, не очень пространный, но своеобразный. Любопытна лиса в качестве благодарного животного. Аагне 550.

26. Богатырь Горошина. Сказка своеобразного содержания. Начало несколько похоже на сказку о Медведке (Афанасьев, № 81), конец частично сходится со сказками о змееборцах. См. Зеленин, «Вятские сказки», № 45, стр. 499. Сам Богатырь Горошина напоминает Катигорошинку в сказке Добровольского (IV, 624—630) другого содержания. Аагне (650 A), 300.

6. Анна Федоровна Дворецкова, 50-ти лет, неграмотная, уроженка д. Носова, в крепостное время принадлежавшей Тригорским помещикам. Сейчас живет на хуторе, около Тригорского сада, с двумя

сыновьями и невесткой. Сказки знает от отца и матери, хороших сказочников, имевших связь с Тригорским барским домом (отец жил там дворником). При ее содействии я познакомился и со сказочницей села Петровского, ее родственницей. Дворецкову нельзя назвать искусственной сказочницей. Лучше она передает детские сказки, которые, бывало, рассказывала своим детям. Эти сказки она сказывает с пением и декламацией текста в соответствующих местах. Большим достоинством ее сказок является не подновленный, свежий народный язык. Она достаточно памятлива, чтобы удерживать основную нить и последовательность рассказа, но весьма не чувствительна собственно к сказочному стилю языку, к выработанным формулам рассказа, к уместному их употреблению. Дворецкова рассказывает «от себя» и при повторении легко меняет формы выражения. К исправлению текста и самокритике она мало способна и легко примиряется с несообразностью. Всякую сказку она начинает словами: «Кили дед да баба» и, чувствуя неуместность такого начала в сказке о самоглядном зеркале, заявляет, что «в сказках так всегда говорится», о ком бы ни шла речь. Она очень некстати заканчивает сказку о самоглядном зеркале, № 34, формулой: «и я там была и вино там пила», хотя в конце сказки говорится не о пире, а о казни злой мачехи. В общем это сказочница довольно сведущая, но наивная, без школы и без достаточного художественного чутья.— В семье Дворецковой не смущались тем, что я записываю от них сказки и рассказы. Мать Анны Федоровны была певунья, но она сама петь вообще не умеет, хотя и рассказала мне одну свадебную песню, которую пела за другими. Из сказок Дворецкова знала еще о царе Додоне, но забыла. Слыхала и некоторые сказки, записанные Пушкиным, например: о Кащее, слепом царе и его неверной жене. Свои сказки вообще называет «болтушками», как короткие и шутливые. Для уяснения жизни сказки любопытно ее заявление, что сказки обычно у них рассказывались, чтобы развеселить и ободрить себя во время зимних вечерних работ: пряжи, тканья. Эта связь сказки с домашними работами—пряжей и ткачеством, весьма замечательна, и—при широком распространении и прочном сохранении здесь таких работ—дает основание думать, что в Псковской губернии можно еще собрать много народных сказок.

27. Антон («Лутоня»). У умного деда жена и дочь глупы. Дочь плачет о том, что она родит сына Антона, он пойдет к деду в гости и потонет. Дед не захотел жить с дураками и пошел искать умных людей. В путешествии он видит, как рубят избу и растягивают короткие бревна, как бабы решетом носят свет в избу, в которой не прорублены окна, как запрягают лошадь, вгоняя ее в хомут издали, как тянут на банию корову, чтобы съесть выросшую на кровле траву, как люди прыгают с печи в растянутые портки, чтобы их надеть, как едят кисель, стоящий на столе, с молоком, которое в погребе. Дед учит всех, как что нужно делать и возвращается домой. Ср. у Афанасьева № 227, с другим началом; у Смирнова №№ 175, 191, 274, 322. Два последние ближе к нашему, но не так подробны. Аагпе-Андреев 1450, 1384, 1244, 1245, *1214, 1210, 1286, 1263.

28. Дед посадил в бане горошинку и бобинку. Они выросли до неба. Дед и баба полезли туда. Баба не воздержалась,—упала и разбилась. Дед слез, похоронил бабу и опять полез. Там—избушки из сырья,

печки из масла, печурки из сметаны. Дед поел сыру, масла и сметаны и залез под кровать. Пришли 4 козы, пятая их матка. Видят, что избушка объедена. Матка оставляет младшую козу стеречь избушку. Старик усыпляет ее словами: «Спи, глазок, спи другой, третий листочком накрой», наедается и прячется снова. Козы возвращаются, видят, что младшая коза спит, а избушка объедена еще больше. Также со 2-й козой и 3-й. Четвертую он не усыпал вполне, потому что у нее было четыре глаза. Она притворилась, что спит и все видела четвертым глазом. Козы пришли, все узнали, свалили деда с неба; он убился. Довольно близкий вариант, но более короткий, у Афанасьева № 6 (вариант второй, подстрочный). См. также № 231с; Чудинский, Русские народные сказки, прибаутки и побасенки, № 9. Aarne-Andreev *1960 G I.

29. Морозко. Варианты у Афанасьева № 52. Aarne-Andreev *480 B.

30. Дочь и падчерица. Вариант у Афанасьева № 54. Наш вариант немного спутанный, но с своеобразными подробностями и с медведем в роли кровопийцы-людоеда. Aarne-Andreev *480 C.

31. Вор Андрюшка. См. Афанасьев, № 219. Наш вариант отличается комбинацией с проданной чертам барыней и ее возвращением. Частично близка к № 86 у Соколовых. Aarne 1525 A, G*, 1045, 1072, 1071, (1063, 1084).

32. О рыбаке и рыбке. Пересказ, идущий от Пушкина, и не имеющий никаких признаков оригинального варианта. Любопытна только местная поправка. Хорошо знакомые с рыболовным делом обыватели Пушкинской волости не допускают мысли, чтобы один старик мог ловить рыбу неводом, огромной рыболовной снастью, требующей рабочей силы нескольких человек. Поэтому в их передаче сказки Пушкина старик является удильщиком! Aarne 555.

33. Чудесная дудка. Варианты у Афанасьева № 137, у Смирнова №№ 94 и 176, у Ончукова № 44. Наш рассказ краткий, но своеобразный. Aarne 780.

34. Самоглядное зеркало, или гонимая падчерица у разбойников. Один из тех вариантов, которые некогда послужили основой сказки Пушкина «О мертвый деревне». Варианты у Афанасьева № 21 а (белорусский, довольно близкий к Пушкинской сказке), у Соколовых №№ 76 и 97, у Ончукова № 154. Aarne 709, 408*.

35. Волк и коза. Вариант неполный (нет мести козы), но своеобразный; оригинальна песенка козы. Ср. Афанасьев, № 23. Aarne 123.

36. Волк. Вариант у Афанасьева № 21. Aarne-Andreev *162.

37. Лиса-ночлежница, ее поезд и звери в яме. У Афанасьева № 1 а, f, также № 10 (звери в яме). Наш вариант своеобразный и сложного построения. Aarne-Andreev 170*, 158, 20 A, 21, *56C, *154 I.

38. Слепая невеста. Анекдот. К слепой девушке приезжает свататься жених в отсутствие ее родителей. Она отдает ему свое добро,— он увозит все ценное имущество. Затем приезжает за самой невестой, возит ее по разным местам и снова привозит домой. Приехавшие родители открывают обман. См. у Смирнова весьма удаленный вариант,

№ 273 («Как старуха замуж выходила») и у Добровольского рассказ («Быль») об обманутой пыганами невесте, девке-вековухе, не слепой (IV, 711). Такой же рассказ у Иваницкого, Материалы по этнографии Вологодской губ., № 32. У Аагпе нет (ср. 1479*).

7. Маня Петрова, 11 лет, грамотная, очень способная девочка. Сказки знает от отца и деда. Дед помер года два тому назад. Отец по болезни почти утратил способность рассказывать. О девочке отец сказал: «Она такая забавная— как ей скажут, живо паймё». Я записал от маленькой сказочницы все, что она знала, находя желательным изучение сказки во всех ее положениях, между прочим и в отношении к возрасту носителей. При том, слушая Маню Петрову, я убедился, что ее сказки народные, не заимствованные из школьных книг. Самый факт рассказывания традиционных сказок детьми той или другой местности является важным свидетельством живучести местного сказочного предания.

39. Про Кощяя. Вариант у Афанасьева № 93 в, у Садовникова № 61, у Смирнова № 26. Аагпе 400, 302.

40. Ванюшка и черти. Варианты у Афанасьева №№ 87—89. Аагпе 1045, 1072, (1062), 1071.

41. Про зайчика. Лиса живет в ледяной избушке—зайчик в земляной. Весной избушка лисы растаяла; она просится к зайчику погреться и выгоняет его. Выгнать лису берется волк, но не может. Бобер выгоняет лису песней: «Я иду, иду бабор, У меня под поясом топор» и т. д. Ср. Афанасьев, № 3. Аарне 43.

42. Котик-бродик. Оставляемый старшим братом, котик похищается лисой. Ср. Афанасьев, № 17, где страдательным лицом является петушок. Аагпе-Андреев 61 II.

43. Про дрозда и лисицу. Лисица идет париться в бане и просит дрозда посидеть на бане, постеречь ее от собак. Дрозд свищет, манит собак. Лиса говорит: «Дрозд, дрозд, ты никак собак манишь?» Дрозд говорит: «Нет, я свое горе развозжу!» Дрозд призывает собак— они разрывают лисицу. Рассказ краткий, но своеобразный. В доступных мне сборниках сказок вариантов его не оказалось. У Аагпе нет (ср. Аагпе-Андреев *56 С).

44. Девочка и волк. Два мальчика и девочка пошли в лес за ягодами. На обратном пути мальчики перепрыгнули речку, а девочка не перепрыгнула и осталась в лесу. Ее взял к себе волк и заставил «зыбать» себя на «грозных» дровнях. Ее берутся увезти домой лиса, медведь, баран-золотые роги, но волк их догоняет и отнимает девочку. Бык-золотые роги (поражающий своим пометом) благополучно увозит девочку домой. У Афанасьева ср. № 117, 118а и № 81, где девочка в плена у медведя; у Зеленина, «Вятские сказки», № 82; у Садовникова № 20 («Девушка Снежурочка»). Аагпе-Андреев *314 I.

45. Два брата. Старший брат уговаривает младшего ограбить купца. Тот отказывается. Старший брат выколол ему глаза. Слепой сел под яблоню. Одна за другой прилетают вороны и говорят слепому: 1) «умывайся утренней росой, 2) иди в царский дом, и 3) ты будешь плевать золотом». От росы он прозревает, в доме царя исцеляет царевну, на которой женится, обещавшись три года прокормить царское войско. Он содержит его на выплюнутое золото. Царевна, узнавши это, в день свадьбы кормит его кушаньем, производящим рвоту. Потроха его

выпали от рвоты—царевна их забрала. Герой сказки обращается в прежнее состояние. Он возвращается домой и находит там слепого старшего брата, который сам выколол себе глаза и пошел сидеть под яблоней, давшей исцеление и счастье младшему брату. Из этой нравоучительной сказки-легенды девочка рассказала мне только короткий, несвязный отрывок. Он несколько дополнен ее старшими сестрами, которые, однако, не могли восстановить рассказ в целом и стройном виде. Начало имеет некоторое сходство со сказкой о правде и кривде (Афанасьев, № 66). Плевание золотом у Соколовых № 54, у Зеленина в башкирской сказке Пермской губ. № 107. Aarne 613, (567).

46. Мальчик с пальчик. Родители хотят завести его в лес и бросить. Он замечает дорогу беленькими камешками и возвращается. Во второй раз он разбрасывает на дороге крошки хлеба, но их поклевали птицы. Отыскивая дорогу домой, мальчик с пальчик попадает к ведьме, которая спасает его от людоеда, спрятавши в сундуке и указавши дорогу домой. Источник, вероятно, «Первая русская книга для чтения» Л. Н. Толстого, но в тексте заметны следы народной обработки. Неблизкие варианты у Афанасьева № 168, у Смирнова № 172. Aarne (327 A, B).

8. Алеша Михайлов, грамотный мальчик из деревни Теляково, 11 лет, настушок деревни Стригово. Сказки слышал от отца.

47. Иванушка и Настенька. То же, что «Звериное молоко», но с особым началом о волшебной мельнице. Варианты у Афанасьева № 118, у Добровольского, т. IV, стр. 495, у Смирнова № 7. Aarne-Andreev (*313 I), 315 A, 300 A.

Тот же Алеша Михайлов рассказал мне одну сказку, мною не записанную, которая начиналась с басни Крылова: «Откупщик и сапожник», а продолжалась сказкою о богатыре, убивающем одним махом семерых (мух) в Гриммовской редакции; в роли этого хитроумного лже-богатыря и является сапожник Крыловской басни. Ср. комбинацию басни Измайлова с русской сказкой о зверином молоке у Афанасьева, под № 118 B.

9. Василиса Андреева (Васиха)—девочка 10-ти лет из деревни Звягино Новоржевск. у., живет в доме Волкова, как нянька; она—родная сестра его невестки. Грамотная, сказки слышала от других детей. Особыми дарованиями не отличается.

48. Волшебное кольцо. Отдаленные варианты: Афанасьев, № 112, Смирнов, №№ 35, 283, 301. Происходит из «1001 ночи». Наш вариант не везде полон и упорядочен, но своеобразен и любопытен. Aarne 560.

49. Иван-дурак. Своеобразный вариант с змеей или чертовкой вместо бабы-яги. Дурак озорной и находчивый. Ср. у Афанасьева № 222, также сказки о Яге или ведьме, в которых герой сказки сжигает в печке дочерей Яги таким же способом, как наш дурак самое чертовку: №№ 61, 62, 63, 65, Смирнов, №№ 231, 250. Aarne-Andreev (*327. A I), 1653 B.

10. Волков, Филипп Петрович, 68 лет, неграмотный крестьянин дер. Стригово, у озера Белогуль, относившейся до войны к Новоржевскому у. и недавно вошедшей в состав Пушкинской волости. Называется также и «Макавейский». Присутствует звать себя: «товарищ Волк».

«Волком» зовут его и в народе. Бодрый, подвижной человек; кажется гораздо моложе своих лет. Недавно овдовел. Проживает с женатым молодым сыном и подростком мальчиком в бедном и неказистом снаружи и внутри домике. Жил когда-то более достаточно, но разорился от выдела сыновей, которых было 8, и падежа коней и коров. С 10 до 25 лет Волков жил «в чужих людях», в разных местах данной округи «по работникам и по кучерам»; потом долго служил полесовщиком. Умен, любезен в обращении и красноречив. О нем говорили: «На языке он пробойный». «Он у нас языком просторанный, на словах его не поймаешь, и по учреждениям, и везде может говорить». Охотно вспоминает и рассказывает, как гулял на богатых купеческих свадьбах, приглашенный в качестве сказочника. Песен не поет и не знает,—хотя отец и мать были хорошие песенники,—но большой мастер плясать. Знает также «заветные» сказки и рассказы. Сказки свои Волков рассказывает с воодушевлением и, повидимому, с некоторой свободой в обрисовке подробностей, влагаемых в один композиционный план. Он нисколько не затрудняется разделять сказку на небольшие фразы и предложения, удобные для записи, но в этом случае, конечно, он рассекает сложные синтаксические сочетания на части, не вполне соответствующие первоначальному целому, вообще теряет настроение, лишает рассказ стилистических украшений, создает упрощенные формы речи и даже пропускает целые сказочные формулы. Так, при записывании он сказал мне: «родили мальчиков». Первоначально, когда я только выслушивал эту сказку, за этим следовало: «голос в голос, волос в волос, рост в рост», что чрезвычайно важно для дальнейшего рассказа. Волков—рассказчик с темпераментом, горячность которого умерена опытом и обработкой текста. Его художественный жар поднимается и опускается в строгом соответствии с ходом повествования. С наибольшим оживлением и выразительностью он произносит диалоги своих сказок. Переживания, однако, настолько его увлекают, что он иногда сбивается с формы третьего лица и начинает говорить от первого. Из всех сказочников Пушкинской власти, вообще дающих довольно разнообразный материал в отношении формы: построения, стиля и языка, Волков привлекает особенное внимание, как свободной разработкой повествования, так богатством и мастерством использования стилистических приемов и средств языка. Не думаю, что в нарисованных им картинах отражается его личное творчество. Чувствуется, что сзади его стоит особая стилистическая школа, которой он является свободным и талантливым представителем. Жанр Волкова—длинные, занимательные сказки. Распространение текста достигается у него не искусственным сцеплением разных повествований и сказочных мотивов в один продолжительный рассказ. Для него немыслимо, например, наивное неискусственное соединение басни Крылова с традиционной сказкой, как это мы видели в сказке Алехи Михайлова. Вся длинная первая сказка уложена без труда в традиционную схему о двух сказочных богатырях, родившихся от вкушения чудесной щуки. Старая схема даже сокращена и лишилась своей обычной тройственности. И при двух богатырях материал для повествования получился настолько значителен и сложен, что присутствие третьего оказалось излишним. При том сказка приобрела более естественности, так как материеми богатырей явились только женщины.

Правда, что во второй большой сказке Волкова соединились две разные сказочные схемы: новейшая повесть с старой сказкой, но сплетение их сделано так искусно и элементы 2-й схемы так естественно вторглись в 1-ю, что механической сшивки совсем не чувствуется, и тип разгульного, находчивого солдата, в неизменных ему чертах благодушия и порядочности и колебаниях счаствия и неудач, сохранен единым и целостным от начала до конца повествования.—Обращаясь к средствам удлинения рассказа в сказках Волкова, мы находим в них три основные условия: 1) чрезвычайно умелое и находчивое расширение самой схемы повествования вытекающими из нее логическими и художественными подробностями; 2) мастерское использование художественных традиционных формул описания и повествования; 3) необыкновенное развитие диалога в повествовании. Вежливые разговоры, как их представляет себе умный, бывалый работник барского имения, кучер и полесовщик, отличительная черта сказок Волкова. В языке этих сказок много поэтических элементов: не только часто встречаются художественные эпитеты,figуральные и переносные выражения, но нередко являются и ритм и рифма: «Мне вас бог не давал, И скрости я не видал. Бог вас создал, И большую скрость я принял». «С ронными попросились, В путь-дорожку пустились». «Мне не век вековать—Одну ночь почевать» и т. д... Из фигур в сказках Волкова обращаю внимание на красивый оборот «единоначатия»: «В онно время кушали, в онно время отяжели, в онно время носили, в онно время родили».

50. Иван-царевич и Иван-служанкин. Подобные сказки приведены у Афанасьева под №№ 76 и 77. Наш вариант своеобразного содержания и изложения. В нем Иван-царевич борется со змеей для избавления царевны. История женитьбы на ней разрастается в сложное повествование, в котором обнаруживаются необыкновенные и богатырские качества героя. Затем сказка осложняется продолжением борьбы Ивана-царевича с семейством погубленных им змей, которые увлекают его в виде оборотней: лисы, волка, медведя; последний его губит. В действие вступает Иван-служанкин, имеющий целью помочь Ивану-царевичу. Иван-служанкин находит и воскрешает Ивана-царевича, но этим повествование не заканчивается. Между богатырями происходит ссора— и Иван-служанкин должен ехать доставать у бусова волка столицу из под божницы. Доставши, с разными приключениями, этот предмет, Иван-служанкин примиряется с Иваном-царевичем, женится на его свояченице и получает половину царства. Здесь мы видим объединение разных сказочных повествований, на стиле и языке которых, а частью и на комбинации, заметно отразилась индивидуальность сказочника. Со сказками Афанасьева №№ 76 и 77, наша сходится лишь по началу, повествующему о чудесном зачатии героев от вкушения необыкновенной щуки. Следующий эпизод: спасение героем царевны от змея и женитьба на царевне, мы видим у Афанасьева уже в других сказках: № 85 (избавление без женитьбы), №№ 92, 104, 118 (избавление и женитьба, но с препятствием со стороны коварного водовоза или другого лица, присваивающего себе победу), № 119 (женитьба без препятствий). Для следующих звеньев в цепи повествования мы весьма затрудняемся указать близкие параллели в известных сказочных текстах. Здесь еще более чувствуются элементы недавнего местного творчества и введение в пове-

ствование редких сказочных мотивов. Такова особенно история женитьбы героя. В ней намеренно запачканный победитель радостно встречается царевной, подобно тому, как пьяный и грязный Иван-купеческий сын любезно принимается Настасьей Прекрасной, чем герой сказки выигрывает большой заклад у богатого купца (Афанасьев, № 127а). Аарне-Андреев 303, 300 А (*313, I).

51. Лиса и волк. Лиса уговаривает волка достать гуся из петли под предлогом, что она постится, и выхватывает у него добычу, которую сама не могла достать, отвечая на его недоумение прибауткой. Сказка рассказана Волковым в разговоре с домашними, как иллюстрация одной мысли об обмане. Записана мной конспективно на память. См. Рудченко, Народные южно-русские сказки, I, № 11. У Аарне нет.

52. Третья сказка Волкова еще более отличается своеобразием содержания и комбинаций. Во-первых, она является сложением бытовой повести об умном пьянице солдате с традиционной чудесной сказкой о похищении царевны волшебником и возвращении ее хитроумным героем, которому обещана ее рука. Затем сказка осложняется выступлением на сцену злодея-обманщика, отнимающего временно у победителя его невесту, и странствиями и приключениями героя, в которых он получает волшебные средства для овладения потерянной царевной и наказания обманщика. Благополучная женитьба героя не оканчивает повествования. Как и в первой сказке, он уезжает в лес на охоту—невеста его похищается волшебником, и он снова приступает к ее разысканию, которое заключается опять в борьбе с значительными затруднениями и препятствиями, которые преодолеваются собственно его волшебным конем. Сам же герой от начала до конца является только естественным сметливым человеком, который лишь умеет использовать готовые волшебные силы и средства; так что с этой стороны вся наша длинная сказка сохраняет реальную основу, около которой создатели текста выткали сложную ткань повествования—в первой части, с пьяницей солдатом, тоже совершенно реальную, во второй, с искателем и обладателем царской дочери, волшебно-фантастическую с традиционными элементами народных волшебных сказок. Относительно близкий вариант у Азадовского № 8: «Освобождение царской дочери солдатом-прапорщиком». В конце, а частично и во всем тексте нашей сказки много особых подробностей. Аарне 301 (A), 400.

Из уральского фольклора.

Н. Е. Ончуков.

Летом 1926 г. в Тюмени от Петра Прокопьевича Степанова, 75 л., я записал следующее. Родился он в Богословском заводе на Урале и жил в заводе до 8 лет. Хорошо помнит, что в то время в заводе пели былины: Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич, Егор Святогор, Василий Буслаев, Садко богатый гость новгородский; знали и рассказывали сказки: Конек Горбунок, в стихах («Они сеяли пшеницу, да возили в столицу»), Гуак, Бова Королевич, Еруслан Лазаревич, Франциль Венциан, и про разбойников: Егорко Башлык, Грунька чортова дочь и др. П. П. Степанов, сам знает до 20 сказок. Мне рассказать что нибудь отказался, был болен. Он из крепостного рода.

После этого разговора со Степановым, я съездил в Тавдинский край в Тюменском уезде, где записал 85 сказок, а летом 1927 года поехал в Верхотурский уезд. Поездка эта в отношении записи сказок была мало успешна, но все же я скажу о ней несколько слов. Я всегда держался того мнения, что записывать народное творчество можно и должно везде: в дороге, в городе и пр. В вагоне железной дороги я получил указание, что до сих пор сказки очень в большом ходу в Костромской губ., зимой, в лесных избушках при рубке леса. В Свердловске в раздевальной бани я слышал остроумнейшую, но и неприличнейшую сказку-анекдот, передать который нет никакой возможности. Когда я был в Свердловске, в церкви, на проводах архиерея, один из священников сказал проповедь и для иллюстрации необходимости почитания икон, рассказал «действительный случай», бывший в селе Арамильском Камышловского уезда:

Случай с коммунистом. Коммунист вернулся с фронта в село Арамиль. Его жена очень обрадовалась. Муж и говорит: «А ты лучше угости меня пельменями». Баба живо наст्रяпала пельменей, и хотела разжечь таганку (на плите перед устьем печи), чтобы сварить пельмени в кастрюле. Да не случилось дровец наколотых. Баба пошла наколоть дровец. Через $\frac{1}{4}$ часа вернулась, а огонь уже горит и вода закипает.— «Запускай пельмени-то», говорит муж. Баба удивилась: «Ты где же это дров-то взял». Муж весело отвечает:— «А у тебя висел идол в углу, я его снял, да дровец и наколол. Дерево сухое, ишь как полышиет.

Запускай скорее, вода уйдет». — «Ах, ты окаянный», вскричала баба в ужасе, ведь это ты царицу небесную расколол, перед которой я молилась, чтобы ты жив остался. Чтоб тебе подавиться первым пельменем». Пельмени сварились, стали есть. Мужик первым пельменем подавился и умер.

Два варианта этой легенды — о наказании коммуниста за святотатство я записал в г. Сарапуле в 1918 году. В одном варианте — вернувшийся с фронта в деревню большевик раскалывает икону Б. Матери для того, чтобы поставить лучинками самовар. Начинает пить чай и слепнет; второй вариант: муж-большевик бросает икону Николая Чудотворца в горящую печь. Икона не горит, но из печи выбрасывается пламя в глаза мужику, и мужик слепнет. Точно указывали, что оба происшествия случились в одной деревне Нечкинской волости Сарапульского уезда¹⁾.

В Свердловске фотограф К. Ф. Коняев рассказал мне такую современную легенду:

«Знамения». В 1920 году в Екатеринбург (тогда назывался так) из Рамильского района ехал на какой то съезд коммунист. Дело было зимой, после Рождества. Ехал волоком, лесом. Едет, видит на дороге лежит мешок, посмотрел — зерно. Оглянулся, около мешка никого нет. Хотел положить мешок на воз и увести, никак поднять не мог, тяжелый. Махнул рукой и поехал дальше. Едет, видит на дороге стоит большая кадь. Подошел, посмотреть: кадь полна крови, даже по снегу расплескалась. Подивился, поехал дальше. Немного отъехал, смотрит, на дороге стоит гроб. Подошел, поднял крышку — гроб пустой. Поехал дальше. Едет, нагоняет старика небольшого роста с батожком. — «Путь дорога», говорит коммунист. «Довези меня», просит старик. «Нет», отвечает коммунист, «не могу посадить, лошадь устала». — «Все таки ты меня посади» говорит старик, «скорее доедешь». Коммунист посадил старика. Поехали. Едут, старик спрашивает: «Ты чего не видал ли дорогой?». — «Видел», говорит партиец и рассказывает, что видел. «Это знамения вам», говорит. «Что же такое, объясни, дедушко». — «Мешок с хлебом предвещает большой урожай. Кадь с кровью — страшную, кровопролитную войну на полсвета: в крови плавать будете. Но хлеб тогда еще будет. А будет еще хуже: это гроб — голод, мор, и люди будут так умирать, что некому будет и хоронить друг друга. Гроб от кади ближе по дороге, чем кадь от мешка — это мор от войны ближе по времени, чем война от урожайного года».

Приехали в город, на Пушкинскую улицу в чрезвычайку, и коммунист посадил старика пока что в чижовку, а когда его хотели допросить, он исчез. Старик этот был из дивных людей²⁾.

О дивных людях на Урале есть такие легенды: «Дивы люди живут в Уральских горах, выходы в мир имеют через пещеры. В заводе Каслях, по Луньевской железно-дорожной ветке они выходят из гор и ходят между людьми, но люди их не видят. Культура у них величайшая,

¹⁾ Ср. также „3-й Этнографический сборник“ Костромского научного общества“ ст. В. И. Смирнова. „Чорт родился“.

²⁾ Ср. Г. С. Виноградов. „Этнография и современность“, стр. 12—13.

и свет у них в горах не хуже солнца. Дивы люди небольшого роста, очень красивы и с приятным голосом, но слышать их могут только избранные. Они предвещают людям разные события. Рассказывают, что в селах Белослудском, Зайковском и Строгановке в полночь слышится звон; слышали его только люди хорошей жизни, с чистой совестью. Такие люди слышат звон и идут на площадь к церкви. Приходит старик из Дивых людей и рассказывает о событиях и предсказывает, что будет. Если приходит на площадь недостойный человек, он ничего не видит и не слышит. Мужики в тех местах знают все, что скрывается большевиками».

«В Тюменский монастырь приходил один из Дивых людей в яве. Солдаты в него стреляли, но пули его не брали». (К. Ф. Коняев).

Вот те немногие легенды последнего времени, которые мне удалось слышать на Урале. Только, могу упомянуть еще, что в Свердловске, да и вообще на Урале ходят легенды в связи с жизнью Николая II с семьей в городах Тобольске и Свердловске. В Алапаевском заводе, как я слышал, есть легенды в связи с пребыванием там вел. княгини Елизаветы Федоровны и вел. князей «Константиновичей». По р. Тавде, в бывшем Тюменском уезде ходят немало рассказов про Гришку Распутина, родом из с. Покровского на реке Тавде. Но эти рассказы не носят легендарного характера, а обычные житейские рассказы, о человеке, которого все в округе знали лично, а многие и имели с ним разные дела.

Из Свердловска я поехал в Нижний-Тагил. В библиотеке при музее, я нашел рукопись: «Тысяча одна ночь. Гистория арапская», т. 10. Рукопись в четвертку, на белой тряпичной бумаге в по-лоску. Водяной знак — какой то герб, в середине буква И. Нумерация идет до стр. 111, обр. сторона не номерована. Затем новая нумерация до стр. 90, за ней 3 листа пустых. 112 пустая. Всего в рукописи 111×2 и $90 \times 2 = 402$ стр текста. Письмо конца XVIII века, в конце рукописи может быть, и начала XIX в., а м. б. и вся рукопись XIX в., но вначале рукописи более стариковская рука. На 1-й стр. под заглавием подпись 30—40 г. г. XIX века. «Из библиотеки Высшего училища. № 1754».

Содержание рукописи:

1. У первой сказки названия нет. Текст начинается так: «Мать Аладинова, которая видела, что султан встал и ушел, рассудила, что у нее он в тот день более не окажется: вида, что весь народ вышел тако»... Скаска, на $73 \times 2 - 146$ стр.

2. Похождение Касиха Карон Алрашида, на $9 \frac{1}{2}$ стр.

3. Гистория Слепова Баба Абдала, на $84 \frac{1}{2}$ стр.

4. Гистория Дада Кумана, на $26 \frac{1}{2}$ стр.

5. Гистория Хаджеля Гасан Аграбан, на $15 \frac{1}{2}$ стр.
Дальше пустая страница и снова: «Тысяча одна ночь, Истории Арапских». Том II.

Первая сказка этого тома опять без заглавия, она начинается: «Султанша Шехерезада не могла окончить второй день историю ходоля Гасан Алгадале, которой она приметила очень, что султан Индейской его»... на 43 стр.

7. История Али Баба. 40 разбойников, искорененных одною служанкою, на 46 стр.

8. История Али ходжая купца Богдатцкого, на 12 стр.

9. История очародиной (очарованной) лошади», на 51 стр. Под строку; после сказки: «конец П тому». Больше никаких надписей на рукописи нет. Переял рукописи кожаный. На корешке бумажный билет: № библиотеки Тагильского музея краеведения 177. В рукописи по крайней мере 6 почерков. Рукопись в полной сохранности.

Рукопись эта тем интересна, что может быть даст указания про-никновения через школу в народ сказок из «Тысячи и одной ночи». В записях сказок П. А. Городцева в Тавдинском крае¹⁾ есть несколько сказок из серии «Тысяча и одной ночи». Нужно сказать, что Н. Тагил, как административный центр демидовских владений на Урале играл большую культурную роль на Урале. Библиотека Н.-Тагильского музея богата для небольшой Краеведческой ячейки, м. пр. в ней находится много изданий XVIII и начале XIX веков в прекрасных переплетах, книги из личной библиотеки князей Демидовых-Сан-Донато.

В Н. Тагиле мне удалось завести связи с представителями секты странников, (они же бегуны, скрытники). Изучение фольклора у них почти невозможно. Одну легенду я от них все же записал.

Один из выдающихся представителей секты странников Иван Афанасьевич рассказывал своим случай, «которого он был очевидцем». Я записал рассказ со слов странника Кирилла Михайловича в Нижнем Тагиле.

Прилетавшая жена. В Саратовской губ. один познамый (обратившийся в странничество, но еще «не крещеный» по-страннически), заболел, решил креститься и уйти в странство. Он так и сделал. Жил в деревне, спасался. Был он не старый еще (25 лет), был не совсем крепкий,—стал тосковать о молодой жене. Тогда жена стала прилетать к нему, и он принимал ее «в стенках» (двойные стены: тайники в домах, где живут странники) или в чулане. Так продолжалось долго. Он стал пасмурный, задумчивый, стал худеть. Жена все прилетала, а он ее принимал. Приехал в эту деревню Иван Афанасьевич. Однажды Иван Афанасьевич пошел с кем то пройтись по деревне. Дело было вечером. Вдруг они замечают, что над лесом летит что-то огненное, искры сыплются. Спутники Ивана Афанасьевича говорят, что это верно к нему (имя рек) летит, не раз замечали: надлетит над трубой и рассыплется искрами. Иван Афанасьевич со спутниками пошел в дом, нашли между стенками того (имя рек): стоит в необыкновенном волнении между стенками. Иван Афанасьевич его пытать, выспрашивать. И выпытал. Тот во всем сознался, что это к нему приходит его жена. Когда ему объяснили, что это нечистый дух, он бросил странничество, ушел домой и вернулся в мир.

Привожу этот обычный рассказ об оборотнях—он исходит из недр странничества и рассказал странником, что необычно. Больше от странников, живущих исключительно интересами своей мрачной веры, по части фольклора, я ничего не мог получить.

¹⁾ См. мою заметку в Сборнике „Сказочная Комиссия за 1926 г.“, стр. 30.

Стихи странников более или менее известны. (Т. С. Рождественский и М. И. Успенский. «Песни русских сектантов мистиков»). Но я получил целую тетрадку стихов одного из нынешних вождей странников. Считаю уместным привести для образца начало стихотворения:

Близ Саратовских пределов
Недалеко от Суры

вздумали «православные христиане» (т. е. странники) составить цветник для назидания верных. Уже начали печатать один лист на шапирографе.

Все занятые побросали,
Все оставили пока,
Две страницы написали
На машине цветника...
Но и тут нашлась причина
Бросить начаты дела...
Отчего ж пришлось кончать,
Все дела тогда кидать?—
Оттого, что в той печати
Было буквы не видать.
Как маневр тот не удался
Прозьбы верных утолить,
Аппарат плохой попался—
Надо стало в печь свалить...

В таких стихах печатание цветника «Изумруд» описывается больше чем в 300 стихах. Эта тетрадка стихов очень хорошо рисует духовные интересы и внутреннюю жизнь страннических общин.

Из Н. Тагила я поехал в гор. Верхотурье. Пытался я увидеть кого-нибудь из стариков в самом городе, но в целых три дня ни одного из указанных мне стариков не заставал дома. По указанию, я отправился в село Меркушино, в 54 верстах от города. Это небольшое село в 40 дворов, место смерти и погребения местного Уральского святого Симеона Праведного. Сюда до революции было очень большое паломничество: на поклонение мощам святого Симеона в Верхотурье стекалось огромное количество богомольцев. Приходившие в Верхотурье, считали долгом съездить или даже сходить пешком и в Меркушино. И в небольшом селе сравнительно богатая церковь и большой каменный дом—гостиница для богомольцев. В отношении фольклора в Маркушине плохо: сказками не интересуются, некогда было: возили в город и из города богомольцев.

Я записал в Меркушине несколько легенд про Симеона Праведного, очень близких с такими же легендами в книге местного историка Барапова¹⁾.

Сходил пешком в соседнюю деревню к указанному лицу, но он знал только песни. Песни в Меркушине и окрестностях уже записаны Г. И. Марковым (период времени с 1910 по 1913 г.) и хранятся в архиве УОЛЕ. (см. рукопись архива УОЛЕ, Р. З. № 85).

Сходил еще пешком в деревню Чекоткино, Лалтеву, Шумиху и Кекур. Крестьянин, на которого мне указали в Лалтеве, оказался бывшим «буржуем». Сказок он не знал, не интересовался ими никогда:

¹⁾ В. С. Барапов. Летопись Верхотурского монастыря. 1910 г.

наживал деньги. В Шумихе меня направили к Ивану Петровичу Худекову, лет 60. Когда я пришел к нему, он сидел на кухне и чинил хомут. Узнав, кто я, он провел меня в свой кабинет, говорю это без шутки. В комнате был письменный стол с книгами и письменным прибором на нем, на стене еще полка книг, олеографии, бесплатные приложения к «Ниве» и др. картины. В углу иконы. Иван Петрович много лет выписывал и читал газеты и сейчас выписывает и «следит за жизнью по прессе». По его словам он прежде знал сказки: Конька Горбунка, Илью Муромца, Бову, Еруслана, Кашея Бессмертного и очень жалел, что забыл их и не сможет рассказать. Для меня он вспомнил только начало сказки о «Мельнике Федоте Простачке» в стихах:

Жил был мельник чудород
По имени Федот,
С молодых лет до морщины
Не знавал Федот кручины,
С песней рожь, овес молол.
Попевая, за помол
Брал он денежки с народу..
Пел, закинув сети в воду...

Рассказал еще о нечистой силе:

Курдюченок.

«Дедушка в пленках ловил птиц. Едет весной в лесу, прогалина, вода. Курдюченок (прозвание одного крестьянина, про которого говорили, что он знается с нечистой силой) встречу. «Дедушко, перевези меня». — «Перевезу». И перевез. — «Ты куда пошел?» спрашивает старик Курдюченка. «А кони убежали, ищу». Старик ночью лег спать в избушке, уснул. Ночью приходят в избушку два человека и Курдюченок с ними. «Давай старика задушим», — говорит один. — «Нет», говорит Курдюченок, этот человек добрый, он меня давеча через зажору перевез. И ушли, старика не тронули. Дедушко встал и со страху уехал домой». Подобных рассказов в Верхотурском уезде много.

Я ходил еще в дер. Кекур, но там старика, на которого мне указывали, дома не было: жил в лесной избушке и, домашние не знали в которой, у него их две.

Можно все-таки определенно сказать, что та часть Верхотурского уезда, где я был, сказками не богата: мне не указали ни на одного человека, как на замечательного сказочника. Хотелось мне съездить еще в селения по р. Туре ниже Меркушина по течению, чтобы установить связь сказочной традиции замечательного по богатству сказками Тавдинского края, но бич собирателей последнего времени: отсутствие средств, не позволил это сделать.

В Верхотурье через учительницу Н. А. Гладкову я достал произведение одного из содержавшихся в местном «Реформатории» для детей преступников (расчитан на 1.000 человек) тетрадку с 15 стихотворениями. Стихи характерны, как образец тюремной поэзии. Вот для образца на злобу дня:

Подходи ребята разом,
Распотешу вас рассказом.
Рассказать хочу я всем,
Что за птица Чемберлен... и пр.

А вот тюремная лирика:

Сон арестанта.

Роскошно убран бэдуар,
Она сидит одна, мечтает,
На ней накинут пинуар,
И часто грудь ее вздыхает.
Я к ней прокрался точно вор,
Она испуганно вскочила
И на меня свой чудный взор
В восторге пламя устремила...

Дело дошло до объятий, поцелуев, и вдруг:

„И раздается крик ужасный:
„Вставай. Пора парашу выносить“.
Итак, мой сладкий сон был разбит.

Если бы нашелся исследователь, детская тюрьма в Верхотурье могла бы дать очень богатую жатву: ссыльные дети стекаются сюда буквально со всех концов Республики. И между ними, конечно, бытуют стихи, песни, сказки, рассказы, загадки и пр. Кроме того, каждый из детей преступников несомненно что-нибудь знает и охотно расскажет для желающего записать из фольклора той местности, где он жил до Верхотурья. Кроме того, в Реформатории бытует, конечно, и свой особый тюремный фольклор. Вот для примера одна чисто тюремная загадка из Реформатория:

„Она его любят и... терзает.
Он ее ненавидит, но ищет“. (Вошь).

Сказки на севере.

М. Б. Едемский.

(Из наблюдений и записей в 1927 г.).

I. Сказки на Мезени.

Несмотря на то, что я попрежнему интересовался народными сказками и пользовался всяkim случаем, чтобы разузнать, кто умеет и любит рассказывать сказки,—хороших сказочников по Мезени и по Кулой мне встретить не удалось. Правда, мне приходилось здесь проезжать в самое горячее рабочее время—в сенокос: ни рабочая спешка, ни хорошая летняя погода не могут, конечно, располагать к рассказыванию сказок; но даже и указаний на сказочников очень мало приходилось мне встречать. Спрашиваемые мною крестьяне и другие местные жители как-то неохотно говорили на эту тему и чаще всего отзывались незнанием. Некоторые прямо заявляли, что «этим у нас нынче не интересуются»; «сказывать сказки да и слушать, пожалуй, не много охотников». Все же кой-каких сказочников мне называли в разных местах. Так, в Дорогой Горе рассказывает Терентий Павлович Гладкий, в Юроме—Никита Архипович Удин, по прозвищу «Никита Шляпа»; в Больших Нисогорах—Прокопий Мартынович Палкин, 78 лет; не очень уверенно называли еще кой-кого. И это на протяжении слишком 150 км по р. Мезени. Я остановился в Юроме, чтобы познакомиться с Никитой Удним, о котором случайно слышал я еще в городе Мезени, как об очень хорошем сказочнике. По приезде в Юрому, во время моих распросов и поисков, о Никите я услышал сравнительно только сдержанные отзывы, вроде того, что «любит поговорить-то», «плетет, рассказывает кое-что». Сам Удин, когда я с ним познакомился, узнавши, что я интересуюсь сказками, заявил, что в этом отношении с ним никто не может соперничать «по нашему mestу»; что есть, конечно, люди которые смеются над ним и называют вранцей, да они и сами ничего не понимают, а вот хорошие люди и те интересуются этим.

Несмотря на праздничное время (Ильин день), а отчасти именно потому, что это был праздник, и Удин угождал и угождался, мне не пришлось выявить весь его сказочный запас; я только узнал, что он знает и длинные сказки и коротенькие, которые «не всегда годятся для

хорошего человека» (видимо, анекдоты); что из длинных есть такие, что на всю ночь хватит. Я попросил рассказать длинную и по возможности старинную сказку. Удин начал рассказывать «Про Ивана Царевича да про Василья Царевича». Мне удалось записать содержание начала этой сказки:

Жил был царь с царицею. У них детей не было. Горевали. Царь дал обещание построить дворец, если родится сын или дочь. И начал уже строить. В то же время жена его почувствовала, что она тяжела. Чем дальше строится дворец, тем больше приближается время родов. Дворец был готов, и родилась у царицы дочь.

Эту дочь и стали воспитывать в новом дворце. А дворец был построен так, что не было ни окон, ничего, чтобы могло дать знать о том, что делается на воле, вне дворца. Вход был потайной и его нельзя было заметить. Приставлены были няньки и мамки, которые ни в чем не должны отказывать царской дочери и требовать от царя, чего нужно; но не говорить ни о нем, ни о свете белом, ни о чем, что там есть. Освещение было электрическое.

Дальше идет речь о том, что царевна все таки узнала, что существует белый свет; настояла, чтобы ее выпустили погулять. Потом оказалось, что она забеременела...

Рассказывал Удин, с большим старанием подбирая слова и выражения бывалого и знающего человека, очевидно, находя, что простым деревенским языком рассказывать не подходит.

Многословие рассказа, с частыми объяснениями от своего имени мест без того ясных, употребление неудачных выражений с примесью крепких слов делают его сказку как бы нарочитым измышлением, лишенным простоты и стройности, присущих народной передаче. В Ильин день за поздним временем мне не удалось дослушать начатой Удина сказки, а на следующий день, несмотря на его обещание прийти ко мне на квартиру, он не явился и я не стал его больше разыскивать.

Проезжая по р. Валке (левый крупный приток р. Мезени), я случайно остановился на ночлег в доме В. Л. Пономарева в с. Олеме. Мать хозяина, старушка Афанасия Алексеевна Пономарева, вдова 62 лет, оказалась весьма словоохотливой и в то же время интересной рассказчицей. Она верит в сверх-естественную силу, в порчу, немного знахарит, знает историю некоторых кладов, бабничает и т. д. Когда я спросил, знает ли она сказки, то она скромно, но уверено тотчас же отозвалась, что кое-какие слыхала и рассказывала. «Вот поуправлюсь с домом, так я расскажу вам», добавила она. И как только она заходила к нам в комнату, она уже что-нибудь рассказывала или расспрашивала. Рассказывала она историю своей трудной семейной жизни, когда после 12 лет замужества, она осталась молодой вдовой, хозяйкой, домоводкой и воспитательницей своих детей, и честно до старости несла свою тяжелую вдовью долю; рассказывала о своей неизлечимой болезни в боку, которая мучит ее и по сие время, не давая по временам покоя.

Словоохотливая речь А. А. Пономаревой, в противоположность рассказу Удина, отличалась необыкновенной простотой и в то же время красотой и увлекательностью. Самый простой разговор у нее облекался

в какую то стройную и образную форму. Вот, для примера, она рассказывает о том, что вода в р. Неси, притоке Вашки, очень хороша для питья: «И сколько есть рек, и сколько есть речек,—ни в одной нет такой воды, как в Неси; несская вода всех лучше, всех чище, всех здоровее».

Я записал от Пономаревой некоторые особенности обряда повивания новорожденных детей и заговоры, одну хороводную песенку и содержание 4 сказок. Недостаток времени в рабочую пору, когда А. А. несла на себе все обязанности по домашнему хозяйству и в то же время нянчила пятерых маленьких внучат, да еще приступы ее болезни несомненно связанные с тяжелой работой, не дававшие ей покоя,—помешали мне полностью записать сказки этой старушки, так умело ею рассказанные.

1. Иван купецкий сын.

«Бывало жил-был купец. У купца был один сын. Стал купец помирать и заказывает сыну: «когда я помру, ты сделай поминки и позови всех купцов и знатных людей (и всех бедняков и простых людей), а тем добром, которое тебе достанутце, ты не корыстуйся».

Умер отец и сделал сын поминки и всех позвал—купцов и знатных людей, а также бедных и убогих. А потом все имение отца раздал нуждающимся: кто что попросит, тому то и даст. И вскоре ничего у него не осталось от отца. И задумал он идти «собе пути искать», а у него и на дорогу ничего не осталось. И пошел просить на дорогу к своему дяде. А тот «ну него ругать, ну него бранить. И так него дядя выругаў и так него дядя выбраиў... что было у него столько имения, и все он растратил. И дал ему на дорогу одну только денежку. На эту денежку «купиу он преничок». Идет и видит «идет змея троеглавая» и говорит ему: «седь-ко, седь-ко, да посидим-ко». И спрашивает его, куда он пошел. А пошел «собе пути искать», говорит он. И захотелось ему поесть. Вынул пряничек; видит—и змее надо. «Половину преницька змее подаў».

Дальше: змея предсказала, что он пойдет в город, войдет в церковь; у него затеплится свечка, и его выберут царем. А после, когда он подаструет, змея придет сказать, что ему надо умирать. Так все и случилось. Пришла змея. Он умер. И кажется ему, что он живой разговаривает со змеей. А дома уж все плачут. И спрашивает он: «отчего же у меня дома плакса». И увидел себя мертвого в гробу. В указателе сюжетов Аарне-Андреева такого сюжету нет¹⁾.

2. «Отчего началась война на свете, оттого вот и бой прошёў, оттого и настало большое кровопролитие».

«Царь к царю съехались в гости, царь опоньской да царь наш. Царь опоньской и говорит: «у меня на царьсьве что где не полошь, что где не оставь—все цело будет, никто ничего не возьмет, не украдет». А наш царь и говорит: «ну, а я так поруциТЬце у себя не могу:

¹⁾ Все ссылки на указатель сделаны Н. П. Андреевым.

и такое идет у нас воросво и такое плутосво, что промеж глаз нос украдут».

(Далее пересказ по памяти).

Опоньскому царю не верится, и он предлагает прислать таких воров, которые украли бы у него три вещи: скатерть с царского стола, золотой царский кубок и платье царской дочери (относительно первых двух вещей сказочница была не уверена—те ли вещи надо было украсть). Если ваши воры могут это украсть, то, говорит опояльский царь, я воевать не буду и дам замирение.

По отъезде опоньского царя, наш царь стал клич кликать, что бы собирались все воры и мазурики. Сначала они боялись, но потом стали понемногу собираться, а главных все еще нет; наконец, явились и главные. Из них нашелся такой, который взялся украсть сказанные вещи. Взял он у нашего царя большую сумму денег и отправился с товарищами в опонскую землю. Там он гулял и пьянистовал, а между тем разузнавал, что ему нужно, и закупал себе всякие лекарства, солнечные капли и другие. Нанял музыкантов и сделал такую «музыку» (т.-е. музыкальный инструмент), что человеку можно туда поместиться. И пошел с музыкантами играть перед окнами царевны. Музыка ей так понравилась, что она пожелала иметь такую у себя. Он велит уложить себя в музыку и отнести к царской дочери. Она поиграла и уснула. В это время он вышел и украл царские вещи и снял запачканное платье царской дочери. Царь осердился, что воры «гáледь» устроили и «испортили царскую доць», и с той поры война и пошла. Ср. в указателе № 854, напр. О 242.

3. (Два брата, богатый и бедный).

«Бывало упеть два брата; один жиú хорошо, а другой бедно». (Далее пересказ по памяти). Бедный, наконец, находит—«талан жнет», и видит «курочку золоты перышка». «Поймай ты эту курочку и принеси, говорит (талан), домой. Эта курочка ичьяка садит» (несет). Понес он яичко в город продавать. Продал и накупил товару всякого разного. Зажил хорошо и жену нарядил. А жена нарядная «этого мужа на ошую». Завела полюбовника, который узнал, что есть у них курочка золоты перышка, и попросил сделать себе из курочки жаркое. Вот она занемогала (притворилась больной): «надо курочкой убить».

«Мужик понял козни жены и «вон из избы выгнау».

Конец не ясен. По указателю №№ 735, (567).

4. «Было у матери две дочери да сын».

(Пересказ по памяти). Старшей дочери было предсказано, что «выйдет замуж за реку да два года проживет и умрет». Мать и (вторая) дочь, видимо, умом не отличались и столько делали всяких глупостей, что сын решил уйти от них и говорит: «дичеев вас найду — домой приду».

Приходит в деревню и видит бегает народ из избы да в погреб, из избы да в погреб... «Что вы делаете» — спрашивает он.—«А кашу

зачерпаем, да в погреб по молоко бегаем» (с ложкой). Он научил их, как надо есть кашу с молоком, и был награжден.

В другой деревне видит истоплена баня. Выскакивает оттуда народ да и прыгает: надо в портки угодить.

Дальше видит в деревне: мужики корову на сарай здывают; покормят, да во двор опускают. Он научил их корм из сарая во двор (в хлев) корове носить.

Убедившись еще много раз, что глупых людей сколько угодно, что многие еще глупее, чем мать и сестра, — сын возвращается домой.

История напоминает похождения пошехонцев, но отличается многими местными особенностями. По указателю №№ 1384, 1263, 1286, 1210.

На обратном моем пути с Вашки на Мезень, я остановился в Б. Нисогорах. Перед окнами моей квартиры каждый день собирались детишки, школьного и дошкольного возраста, с которыми я вступал в разговор, надеясь, между прочим, услышать от них и сказки. Оказалось, что дети сказок почти не рассказывают, хотя и слыхали от старших. Один мальчик, лет 9-ти, очень путанно рассказал, как одна девушка пошла в лес, заблудилась и попала в избушку к лешему. Ваня Палкин, 10 лет, рассказал про Дурня, немного сбивчиво, но видно, что сказка им взята от хорошего рассказчика; он же рассказал «сказку про быка» и прибаутку «Векошка-городяночка» (обычно: девушка-городянушка), которую я успел записать. Ввиду того, что рассказчики получали по леденцу, в следующие дни прибегали новые, с рассказами или сказками, вычитанными из книжки, или выслушанными наспех от, очевидно, наспех кой-как рассказывавших по их просьбе старших, сильно занятых в это время работами. У меня получилось такое впечатление, что в народной массе живут еще обрывки старых традиционных сказок, но рассказываются они редко, в виде так сказать, исключения, что рассказывание сказок не пользуется в настоящий момент большой популярностью и что дети не очень то увлечены сказкой.

В той же деревне меня познакомили со стариком Александром Ивановичем Палкиным, 73-х лет, умеющим петь былины. Он пропел мне две старины (былины): «Сватовство князя Владимира» и «Кудре-ванко царь под Киевом»; первая в 328 стихов, а вторая в 231. Ал. Иван. помнит сказки об Илье Муромце и Бове Королевиче, но вычитанные им из книжек, хотя былины он перенял у другого старого певца, соседа Иванова, жившего около 110 лет.

II. Сказки из других мест северных губерний.

В истекшем году частично продолжались мною сборы сказочного материала в Вологодской губернии и случайно было записано несколько сказок в Новгородской губернии. Из Вологодской губернии было получено 6 сказок от З. А. Басовой, пополнившей прошлогодние сборы в том же районе — Ильинской волости Кадниковского уезда. ✓

Сказки эти следующие:

1) Три брата. (Дурак мать убил, пиво выпустил. Братья хотят его извести, но сами, вместо того, попадают в прорубь). По указателю сюжетов №№ * 1685 I, 1685 A, * 1535 B, 953 *.

- 2) Миша-оборотень. (Медведь становится сыном старика; потом женится на царевне). Ср. в указателе № 425 С, 1525 А.
- 3) Басенка про Лиску и Зайца. (Избушка лубяная и ледяная). По указателю № *43.
- 4) Морозко. (Мачеха и падчерица). По указателю № *480 В.
- 5) Иванушко-дурачек. (Три ночи дежурит на могиле отца, за что начинает служить ему Сивка-бурка; Иван-дурак женится на царской дочери). По указателю № *530 В.
- 6) Про Иванушку-дурацкую. (На могиле у отца 3 ночи. Сивка-бурка. Иван-дурак женится у царя). Другой вариант, записанный от другой сказочницы.

Больше всего из той же Вологодской губернии удалось собрать в двух пунктах Кокшеньги Тотемского уезда: в Озерецкой и Спасской волостях.

Сказочница из первой волости, кр. д. Часовенской, Августа Васильевна Одинцова, 20 лет, грамотная; большую часть своих сказок записала сама. Она слышала их от матери, уже довольно давно, и потому воспроизводит их недостаточно полно; сама рассказывать смущается, и рассказ ее не клеится; но все же она старается передавать их так, как у них в деревне говорят, избегая книжных оборотов речи.

Записанные ею сказки я проверял при ней же, делая с ее слов исправления и дополнения. Сказки не отличаются оригинальностью, но некоторые варианты имеют свои чисто местные или только здесь удержаншиеся особенности. Так, например, в сказке Старик и Волки, первые для меня встретился припев-приговорка волков: «У старика да у старушки девять овец, десятой баранец (баран); изменяющийся дальше: «Восемь овец, девятый баранец; семеро овец, восьмой баранец» и т. д.

От нее записаны следующие сказки:

- 1) (Отдай то, чего дома не знаешь). По указателю № 313 А, С.
- 2) Пузырек да Уголек. По указателю № 295.
- 3) Иван-Коровин. Ср. по указ. №№ 303, 300 А.
- 4) Дудочка. По указ. № 780.
- 5) Волчья (вм. медвежья) лапа. По указ. № * 161.
- 6) (Девушку спасает от сурового отца Конь вороной. Невидимка—добрый молодец—Иван (паревич) берет ее замуж). По указ. № 425 А.
- 7) Девушка и Разбойники. По указ. № 955 *.
- 8) Коровушка-Буренушка. (Одноглазка, Двоеглазка, Троеглазка и Ховроньюшка). По указ. 511. Сказку эту Одинцова получила от своей подруги из той же деревни, от Т. А. Курбатовой.

Кроме того, А. В. Одинцова знает «Бурушко-Коурушко», «Теремок», «Петушок подавился бобовым зернышком» и др.

Вторым пунктом в Кокшеньге Тотемского уезда, в котором было записано несколько сказок, является деревня Башевская Спасской волости. Сказки здесь записаны студенткой А. М. Угрюмовой в семействе своих родных, кр. д. Башевской, большую частью от 15-ти летнего брата, В. М. Угрюмова.

Сказки эти следующие:

- 1) Иван-дурак. (Сивка-Бурка). По указателю № 530 А.

- 2) Про Кота-начальника. По указ. № 103.
- 3) Ивашка да Марьяшка. (Жерновца). По указ. № 1 960 Д, 715.
- 4) Бедный циган. (Превращение жены в волчицу. Нечистая сила).
- Повидимому, не особенно удачная новелла или предание.
- 5) Прибаутка (типа бесконечных сказок).

Сверх того, той же студенткой Угрюмовой были записаны во время случайной поездки ее в Старую Руссу от постоянной обывательницы этого города, старушки М. М. Гончаровой, следующие сказки:

- 1) Дудочка. По указ. № 780.
- 2) Как мужик жену выучил. («Раз сказал, два сказал, а третьего не жди»). По указ. № 901.
- 3) Три сына. (Царевна-лягушка). По указ. № 402.
- 4) Бабка-синяя шапка. (Крепкая крепушка, теплая теплушки, потом—бабука). По указ. № 460 I.

В той же Новгородской губернии, в Боровичах, были записаны бывшей здесь на летней практике студенткой Т. С. Едемской две сказки:

- 1) Мудрые загадки. По указ. № 875.

От А. Н. Федоровой на руднике «Красный Октябрь».

- 2) Сивка-Бурка. По указ. № 530 А.

Там же, от Я. Тимофеева.

Таким образом, далеко не с одинаковой полнотой и в весьма различной, в смысле стиля, передаче, из различных, широко раскинутых пунктов, более или менее случайно, было собрано мною до 30 сказок. Из них большая часть весьма распространенные сказки и повторяющиеся даже в этом небольшом собрании, но встречаются и более редкие. Некоторые сказки по стилю передачи отличаются большой стройностью, выдержанностью и красотой. В записях сказок Ильинской волости больше, чем в других, сохранены особенности местного говора, с мягким ю.

Апрель 1928 г.

Сказочные материалы Пинежья, собранные в 1927 г.

А. И. Никифоров.

Моя поездка в Пинежский у. Архангельской губ. вместе с искусствоведческой экспедицией Гос. Института Истории Искусств летом (с 13 по 27 июня) 1927 года по задачам и методу имела те же цели, что и поездка в Заонежье в 1926 г. (см. мои «Сказочные материалы Заонежья, собранные в 1926 г.» оттиск из «Сказочная Комиссия в 1926 г.» Л. 1927, стр. 11 и след.)¹). Прилагаемые таблицы—ключ к моему Пинежскому собранию.

Таблица I—список лиц, давших мне сказки и легенды. Распределение сказочников по полам и возрастам показывает, что и в Пинежье, как в Заонежье, сказка живет интенсивной и нормальной жизнью.

Таблица I. Список сказочников.

Место- жительство.	№	Фамилия, имя и отчество.	Возраст.	Репертуар (поряд- ковый № сказки, таблицы II графа 1).
АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБ.				
Пинежский уезд.				
Дер. Сура. . .	1	Малкин, Алексей Семенович . . .	ок. 11	19а, б. 12, 17а, 19г, 20, 32, 37, 38б, 60, 61, 66, 75, 80, 81, 101, 103, 104
	2	Малкин, Осип Иванович	29	
	3	Коровин, Василий Ильич	10	83, 92, 95
	4	Коровин, Владимир Петрович . . .	12	34б, 66
	5	Кунников, Никифор Лазаревич . .	13	59в, 75
	6	Малкина, Александра Алексеевна .	13	13, 40, 106
	7	Янин, Александр Иванович . . .	17	73, 78, 79

¹) Обоснование своего методологического подхода я делаю в статье „К вопросу о задачах и методах научного собирания произведений устной народной словесности“ („Известия Рус. Геогр. Общ.“, т. LX, в. I, Л. 1928).

Место- жительство.	№	Фамилия, имя и отчество.	Возраст.	Репертуар (поряд- ковый № сказки, таблицы II графа 1).
Дер. Засурье .	8	Панфилов, Николай Григорьевич	11	68.
	9	Панфилова, Таисья Петровна	10	70, 32
	10	Панфилова, Наталья Петровна	20	28, 52
	11	Рябова, Анна Александровна	20	13, 27, 44
	12	Малкин, Алексей Семенович	49	39, 596
	13	Рябова, Дуня Евловна	12	(1, 26, 6, 23, 47, 52bis, 59a
	14	Данилова, Анна Тимофеевна	12	(17д, 19а, 19в, 23, 25б, 27, 84
	15	Малкин, Михаил Алексеевич	18	63, 77
	16	Порохина, Татьяна Матвеевна	41	107
	17	Данилова, Анна Степановна	20	19а
	18	Мёрзиль, Федор Яковлевич	48	30
	19	Куников, Павел Васильевич	12	176, 24, 54, 96
	20	Куникова, Мария Васильевна	14	41
	» Прилуки .	Кузынецов, Алексей	65	38в, 45, 53, 60, 91
	» Слуда .	Некорощко, Северьяна Павлович	22	12
	» Поганець .	Рябов, Георгий Михайлович	13	7а
	21	Рябов, Василий Данилович	20	60
	22	Ширяева, Мария Федоровна	12	166, 17г
	23	Рябов, Василий Михайлов	19	59, 65
	24	Шамшин, Николай Александрович	14	196
	25	Быков, Иван Яковлевич	12	4, 76, 103, 104
	26	Родионов, Александр Иванович	17	105
	27	Фофанов, Григорий Иванович	76	90
	28	Титова, Матрена Архиповна	56	4, 19а, 196, 30, 43
	29	Панфилов, Григорий Васильевович	16	10
	» Коскамень .	Панфилов, Василист Степанович	72	26б, 45
	30	Фофанов, Василий Никитович	17	33, 56
	31	Фофанова, Евдокия Федоровна	12	8, 13, 22, 100
	32	Фофанова, Евдокия Васильевна	74	57, 102
	33	Фофанова, Еслагая Кузьминична	18	98
	34	Новиков, Игнатий Яковлевич	14	(2а, 13, 19а, 20, 24, 31, 48а, 97
	35	Фофанов, Константип Лаврентьевич	65	(3, 5, 13bis, 19а, 21, 34а, 50, 68
	36	Коровин, Ефим Матвеевич	37	(15, 17в, 18, 24, 26а, 29, 36, 48в, 72, 88, 89
	37	Немиров, Степан Александрович	33	64, 82
	» Летогора .	Щепоткина, Марина Ивановна	8	67
	38	Попов, Петр Иванович	21	99
	» Карпова .	Обросова, Наталья Уваровна	53	176, 25а, 38а
	39	Гора		
	40	Зубова, Устина Андреевна	46	14
	41	Зубова, Дуня	9	87
	42	Лисицын, Папа Федорович	14	16а, 29, 52
	43	Шатогорка		
	44	Прилукин, Анатолий Прокопьевич	17	62
	45	Залывский, Михаил Герасимович	14	11
	46	Губин, Пимен Егорович	17	93
	47	» Шатогорка		
	48	» Обросово ¹⁾		
	49	» Василёвка ¹⁾		
	50			

¹⁾ Кеврольский берег р. Пинсги.

Место- жительство.	№	Фамилия, имя и отчество.	Возраст.	Репертуар (поряд- ковый № сказки, таблицы II графа 1).
Дер. Покшеньга	51	Щеголихин, Петр Тихонович . . .	19	35, 74
» Березник ¹⁾	52	Шпакова, Татьяна Ивановна . . .	59	486, 49, 71
» Леуново ²⁾	53	Медведев, Георгий	12	69, 94
» Поганель ³⁾	54	Дети на улице	—	57, 104bis
» Остров	55	Случайный парень	ок. 20	103
СЕВЕРО-ДВИН- СКАЯ ГУБ.				
Великоустюжск. у.				
Дер. Скорятино	56	Тесаловский, Савватий Михайлович.	12	9, 13, 19а
» Гусево	57	Марков, Николай Андреевич . . .	9	46
	58	Маркова, Авдотья Михайловна . . .	40	1
» Куликово.	59	Окуловский, Степан Александрович.	11	55, 86
» Сыворотки	60	Бушковский, Борис	12	42, 85
ВОЛОГОДСКАЯ ГУБ.				
Тотемский у., Спасской вол.				
Дер. Ласьевская	61	Рудаков, Александр Васильевич . .	22	51, 76

От названных 61 лица мною собрано 172 №№ разных вариантов сказок и легенд, из них ок. 152 №№ полные точные записи текста, остальные №№—записи сокращенные или регистрационные. Таблица II—ключ к репертуару пинежских моих сказочников. Ссылки сделаны на следующие издания: А—Сборник Афанасьева; О—Ончукова; См—Смирнова; ЗВ—Д. Зеленин. Сказки Вятской губ.; ЗП—Зеленин. Сказки Пермской губ. Сок.—бр. Соколовы. Сказки и песни Белозерск. края. Л. 1915; Худяков—Великорусские сказки. Спб. 1862; Ефименко—Мат. по этногр. рус. населения Арханг. губ. М. 1877. Гринкова—«Сказки Куприянихи» в журн. «Художеств. Фольклор» 1926, I; Коуптайдиц Heilbronn. 1883, I.

¹⁾ Труфаногорской вол.

²⁾ Чинежской вол.

³⁾ Сурской вол.

Таблица II. Список сказочных типов.

Порядковый № сказки.	Мое название сказки, в [ ] местные названия.	№ по А. Аарне, в [ ] предполагаемый №.	Ориентировочная ссылка на один русский вариант (иногда приблизительный).	Сказочник, от которого записана сказка (по- рядковый № табл. I гр. 2). Кирп. цифра — пом. текст, обычн. цифра — сокр. текст, курсив — регистрационная запись.
1	Лиса крадет рыбу . . .	1, 2, 4	A. 1a	58, 13
2а	Волк и лиса	15, 2	A. 2b	38
2б	Заяц и лиса	15	A. 2e	13
3	Заяц и лиса	15, 43	A. 3	39
4	Кот, петух и дровд . . .	61	A. 17a	31, 28
5	[Овечка серебрянка] . . .	123, 450	A. 23, 146a	39
6	Зимовье зверей	130	A. 30	13
7а	Коза лупленая	[131]	III. 79	23
7б	Коза лупленая	[131], 43	A. 28	28
8	Медведь, просящий песней	[161B]	A. 21	35
9	Петушок подавился . . .	[241A]	A. 34	56
10	Победитель змея	554, 300	—	32
11	[Ворон Воронищко Старый Кокотищко]	300, 513A	—	49
12	Сукин сын Парамоха . . .	303, 300, 329, [313E]	—	2, 22
13	Золотое, серебряное и медьное царства	301A	—	{ 6, 11, 35, 39 bis, 56, 38
14	41 сын царя ищут невест .	303*, 550, 313	A. 60?	45
15	Затанцованные башмаки .	306, 518, 566	—	40
16а	Медведь, похититель деву- шек	311	0. 55	47
16б	Леший, похититель деву- шек	311, 300	—	25
17а	Царь Берендей	313A, C	—	2
17б	«Отдай, чего дома не знаешь»	313B	—	19, 44
17г	Тоже	313B, C	—	40
17д	Бегство от брата и Яги .	? + 313D	—	25
18	Девушка у лешего	313?	—	14
19а	Поиски исчезнувшей жены Ольшанка скижает Ега- бову	325, 100, 329	A. 62	40
19б	Сестра уносит брата от Егабовой	327A	—	{ 39, 14, 31, 38, 56, 1, 17
19в	Тоже	327A, 313D	A. 64	27, 31, 1
19г	Тоже (контаминация 19а и 19б)	327A	—	14
20	Царевна-лягушка	402	A. 150	2, 38
21	Подмененная дочь	403?	—	39
22	Мать-рысь	408	A. 149	35
23	Братья-ёроны	451	Гринкова 38	14, 13
24	Сходи туда — не знаю куда	465A (?)	—	38, 19, 40
25а	Добровольно немая	480 особ. вар.	См. 141?	44
25б	Прилежная и ленивая . .	480	—	14
26а	Немал человек	502	—	40
26б	Тоже	502, 850	—	33
27	Золушка	510A	A. 163	11, 14
28	Сатиновое, шелковое платье и сизокрыльшко	? + 510B + 403B	—	10

Порядковый № сказки.	Мое название сказки, в [ ] местные названия.	№ по А. Аарне, в [ ] предполагаемый №	Ориентировочная ссылка на один русский вариант (иногда приблизительный).	Сказочник, от кого записана сказка (по- рядковый № табл. I гр. 2). Жирн. цифра — пол. текст, обычн. цифра — сопр. текст, курсив — регистра- ционная запись.
29	Сивко-Бурко	530	A. 57	47, 40
30	Незнайка	532	A. 165	31, 18
31	[Про лисаньку]	545B	A. 98	38
32	[О царе и жар-птице]	550	A. 102	2, 8
33	Благодарные животные	554, 410	—	34
34а	[Василий — сын купеческий]	561, 560	A. 111. Сок. 146	39
34б	[Про чудесную лампу]	561	—	4
35	Чудесные дары	563	—	51
36	Чудесная птица	567	—	40
37	Заячий пастух	570	O. 258	2
38а	«Прилипни»	571, 559	См. 333	44
38б	Тоже	1012, 571, 559	—	2
38в	Тоже	1000, 571	—	21
39	[Илья Муромец сын Иванович]	[650 ¹]	A. 174	12
40	Семь Симеонов	653	A. 84	6
41	Морока	664	A. 214a	20
42	По щучьему велению	675	—	60
43	Садко	677 ¹	O. 90	31
44	Беэручка	706	A. 158	11
45	По колена ноги в золоте	707	A. 159	33, 21
46	Шетух в животе боярина	715	A. 110	57
47	[Про наливное яблочко]	780	A. 137	13
48а	Спор о верности жены	? + 465 ² + 882	—	38
48б	Тоже	882, 1730	—	52
49в	Тоже	[936], 882	—	40
49	Гордая невеста	900	—	52
50	Марко богатый	930	A. 173a	39
51	[Сокровища]	950, 1525	A. 219h	61
52	Жених — разбойник	955	A. 200	10, 13bis, 47
53	Состязания с чертом	1045, 1063	—	21
54	Змей и цыган	{ 1084, 1062, прин. воды, 1052 ² , 1149 }	—	19
55	Балда	1132?	—	59
56	Лихо-одноглазое	1137 .	A. 170	34
57	Старик роняет старуху в мешке	[1125]	—	36, 54
58	Лошадь вм. девушки помешки	1440	—	26
59а	Ловкий вор	1525A	—	13
59б	Тоже	1525A, 1737	—	12
59в	Тоже	1525A, 1740*	—	5
60	«Чесалка»	1543*	O. 84	2, 21, 24
61	«Обеих?»	1563	—	2
62	Работник накрывает барина у папады	1725	O. 81	48
63	Голодный поп на ночлеге	1775	O. 206	15
64	Крестьянин в роли попа	1825	—	41
65	Поп и дьячек воруют барана	1831	3B. 59	26
66	Волк в упряжи	1877, 1910	A. 231b	2, 4

Типы, отсутствующие в указателях А. Аарне.

Порядковый №	НАЗВАНИЕ И КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СКАЗКИ.	Сказочник, от ко- торого записана сказка (порядко- вый № табл. I графа 2).
	А. Детские.	
67	Аннушка пошла за ягодами, заблудилась, пессней про- сится домой	42
68	[Снежурочка] попадает в сумку старчица. «Сумка пой!» Родители освобождают девочку, подменив ее в сумке навозом. Сумка не поет	8, 39
69	[Про Мамунтара]. Чудесный мальчик Мамонтаро (из рыбы) отправляется на чортов остров вместе с обезьянкой. собакой и фазаном, побивав чертей, овладевает их богатством и возвращается домой	53
70	Гордая кукла выброшена в мусор	9
	Б. Сказки взрослых.	
71	«Талань». Царевна, как предсказано, пропадает из дома, попадает к вдове, берется высадить жемчугом цар- скую шляпу, ворон уносит «знак», от наказанья де- вушки спасает старик, она встречает «талань» ста- рика, старухи и свою; последняя бедна, но помогает ей закончить царскую шляпу	52
72	Чудесный ребенок. Сестра бежит от женитьбы с братом, попадает к старикам, выходит за их сына, рождает чудесного ребенка. Брат случайно увозит ребенка, который хитростью увозит на корабле Елену Красу для дяди, дает совет, как ее удержать. Дядя не исполняет совета, жена исчезает, убегает и ребенок, но его находят, он снова добывает Елену, помогает дяде удержать ее и открывается в родстве. (Худак. III № 83)	40
73	Мальчик у слепого старика пасет трижды скот, убивает три Яги, приносит их головы, исцеляет глаза ста- рика живой водой, получает в награду мясо для птицы, которая выносит мальчика домой	7
74	Ворона, которая все знает. Лесославщик на ночлеге с вороной в кармане. Хозяин приглашает его на обед. Гость яко бы с помощью вороны указывает припра- танные хозяйкой блюда, убегает от хозяина и спу- тливает в сарае любовников	51
75	Пройдоха. Ищет работы, встречается с мнимым портным, который берет героя в подмастерья, обманывает и скрывает. Герой попадает к ворам, они, использо- вав его, оставляют в амбаре. Оттуда освобождается хитростью, сам крадет лошадь, продает ее, обманы- вает погоню и возвращается домой	2, 5

Порядковый
№

НАЗВАНИЕ И КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СКАЗКИ,

Сказочник, от ко-
торого записана
сказка (порядко-
вый № табл. I
графа 2).

B. Obszöne.

76	В хомуте, в узде п крошило в *	61
77	Мужик бьет барыню, кухарку и старуху («Сделай, что с женой делал»)	15
78	Парень покупает иглу, чтоб «баб колоть»	7
79	Ошибка в счете. «Давай сызнова»	7
80	Барыня, изменяет мужу, узнав от него о силе работника	2
81	Претенциозная царевна, находит нужного ей жениха. Соблазнившаяся теща попадает в трудное положение (к потолку) Кроптадъ I, № XXXII	2
82	Секрет измены жены мужик узнает по сбившемуся под кроватью маслу из молока	41

Г. Сбивчивые и неясные по сюжетам.

83	Мужик караулит в поле журавлей и прогоняет их (риминисценция № 66?)	3
84	Странник похищает трех сестер, две умерли, третья спаслась	14
85	Ваня-богатырь с помощью чудесной дубинки побивает нечистую силу	60
86	Иван царевич дурень напивается в пастухи, его убивают	59
87	Кобылья голова мешает старикам пройти (фрагмент сказки)	46
88	[Верный мальчик] не врет. К попадье. Отец и мать бьет. У помещика. С чиновником.	40
89	[Портной]. Три воза меди отдал. А Ванька наделал солдат через сутки. Три воза золота.	40

Д. Легендарные сюжеты.

90	Бес велит старцу не молиться богородице. Другой старец отговаривает первого	30
91	Пять загадок старца «знахарю»	21
92	Мужик, уронивший топор в воду и не польстившийся на серебряный и золотой, получает все три. Завистливый же лишается и собственного.	3
93	Бедняк при посредстве нищего получает богатство (Аф. 208)	50
94	Дочь не послушалась матери и одела запретные башмаки, ноги сами танцуют, пока палац не отрубает ноги вместе с башмаками	53

Порядковый №	НАЗВАНИЕ И КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СКАЗКИ.	Сказочник, от ко- торого записана сказка (порядко- вый № табл. I графа 2).
	Е. Бытовые случаи.	
95	Погорельцы безуспешно ищут пропитание	3
96	На мельнице ночуют цыганы разбойники. Мельник только с помощью собаки спас себя и мельницу, зарубив цыган	19
97	[Про икотника и мужика]. Икотник, умирая, завещает вынести себя не дверьми, а кутним окном. Товарищ нарушает завет. Икотник его преследует, но того спасает Артемий Веркольский	38
98	Старик и старуха с целью грабежа убивают прохожего солдата, в котором не узнали собственного сына . .	37
99	[Божеское правосудие]. Вор, приготовляя петлю для ограбленного, сам в ней повис, застряв рукой	43
	Ж. Сказки—шутки.	
100	[Векушка]. Вопросо-ответы: «где была? что делала? и т. д. П. Ефименко № 12	35
101	«Как у бабушки козел... У Моссеевны бараз...» (Стихи) .	2
102	Мужик сначала мочит, потом сушит ворону (бесконечная)	36
103	Пародии на сказку: соединения присказки и концовки (разные)	2, 28, 55
104	Сказки-дразнилки (разные)	2, 28, 54bis
105	Присказка («В девяностом году, в Архангельском году...»)	29
106	Сказочные концовки (специальные варианты, 4 №№)	6 (четыре).
107	Полусказка-полупесня («Заюшка-беляшока»)	16
108	Про белого бычка (бесконечная)	Знают все и везде.

Народная детская сказка драматического жанра.

А. И. Никифоров.

1.

Как повествовательные формы искусственного литературного творчества отличаются богатством и разнообразием разновидностей, так и народная сказка несомненно многообразна в формах своего существования. Но если мы сейчас в отношении литературы говорим о романе, новелле, симфонии и т. п., как особых повествовательных жанрах литературы, то в отношении сказки вопросы о жанровой дифференциации только начинают подниматься исследователями, да и то скорее в виде интуитивных ощущений, чем прямо поставленных проблем¹⁾. Я тоже бегло уже касался этого вопроса²⁾. Настоящей статьей я хотел бы фактически обосновать правомерность и своевременность постановки подобной проблемы о сказке. Но не построение общей теории сказочных жанров я имею в виду—такая теория пока была бы в сильной степени преждевременна,—а частную группу фактов. Эта группа фактов позволяет объединить ее некоторым количеством специфических признаков, которые дают ей особое место во всем хаосе того, что мы обычно называем народной сказкой. Я хочу показать существование среди сказок особого жанра, который можно назвать жанром драматическим.

Существуют сказки, о которых суждение только на основании письменного текста совершенно недостаточно. Весь их художественный стиль, все их значение, их жанровая сущность определяются не столько текстом, сколько исполнением, вернее, конечно, совокупностью этих двух фактов творческого выявления сказки. Правда, что исполнение имеет важное значение для всякой сказки, и серьезное изучение всякой сказки непременно должно учитывать обе линии творческих средств сказочника. Но подлежащая рассмотрению в предлагаемой статье группа сказок особенно сильно связывает самый смысл своего существования с свое-

¹⁾ Ср. v. der Leyen. Das deutsche Märchen. 2 aufl. 1925, s. 15; Fr. Panzer Märchen в кн. John Meier. Deutsche Volkskunde. Lpz. 1926, s. 229.

²⁾ В статье „К вопросу о морфологическом изучении сказки“ (Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского Л. 1928, стр. 174).

образием сочетания текста и исполнения, и потому особенно нуждается в изучении того и другого: К сожалению, сказки, записанные прежними собирателями, не дают решительно никаких материалов относительно живого исполнения их текстов. Таким образом, мне придется пользоваться в отношении исполнения сказок только собственными наблюдениями, полученными летом 1926, 1927 и 1928 г.г. в Заонежье (Олонецк. г.), Пинежье (Архангельск. г.) и на реке Мезени (Архангельской губ.) и отчасти только переносить эти наблюдения предположительно на тексты чужих записей. Следовательно, поскольку в основе положений настоящей статьи лежат мои собственные наблюдения над живым бытованием сказки, постольку я считаю себя вправе выдвигать их с некоторой уверенностью. Эта уверенность сопровождает однако лишь основную схему наблюдений. Их объем и отдельные частности должны быть подвергнуты проверке будущими собирателями сказки.

Собирая сказки на севере России, я заметил, что среди них довольно четко выделяется группа сказок, которая характеризуется непременным наличием с одной стороны специфических элементов исполнительского характера и с другой стороны—некоторой специфичностью структуры самого текста. По преобладанию и в том и в другом отношениях особенностей аналогичных особенностям театрально-эстрадных произведений искусственной литературы, я и называю эту группу сказок—жанром драматической сказки.

2.

Я не имею в виду составить полный список сказок данного жанра. Такой список составится постепенно собирателями и исследователями. Я возьму только те сказки, которые мне самому пришлось слышать или записывать и прибавлю к ним несколько сказок афанасьевского собрания, принадлежность коих к данному жанру очевидна. К драматическим сказкам я отношу следующие.

Первая группа с крайне простым сюжетом, сказки почти всегда бытующие совершенно самостоятельно без вступления в связь с другими сюжетами: 1. Колобок (Ср. Аф. № 16); 2. Теремок (Аф. № 43); 3. Лапоток (Аф. № 1f); 4. Курочка-ряба (Аф. № 35); 5. Глиняный парень (Онч. № 130); 6. Грибы (Аф. № 47); 7. Лиса и дятел (Аф. 12); 8. Коза за орехами (Аф. № 27); 9. Репка (Аф. № 46).

Вторая группа—сказки с сюжетами по простоте своей почти не отличающимися от первой группы, но бытующие как самостоятельно, так и в соединении с другими разными сюжетами: 10. Петушок подавился (Аф. № 34); 11. Кот, петух и лиса (Аф. № 17); 12. Чорт уносит девушек (Онч. № 55); 13. Мена (Аф. № 228); 14. Коза и козлята (Аф. № 27); 15. Волк песней выпрашивает овец (Аф. № 21); 16. Коза лупленая (Аф. № 28); 17. Липовая нога (Аф. № 25); 18. Зимовье зверей (Аф. №№ 29 и 30); 19. Звери в яме (Аф. № 10); 20. Петух и жорновцы (Аф. № 110); 21. Серебряная овечка (Аф. № 142, IV, стр. 9); 22. Лиса, заяц и петух (Аф. № 3); 23. Кочет и курица (Аф. № 33).

Третья группа с сюжетом несколько более сложным, чем первые две: 24. Золотая рыбка (Аф. №№ 39 и 40); 25. Волк дурень (Аф. № 24); 26. Снегурочка и лиса (Аф. № 14); 27. Журавль и цапля (Аф. № 36).

Сейчас же нужно оговорить, что все приведенные сказки известны в значительных вариантических разновидностях. Однако, и варианты перечисленных сказок в большинстве случаев сохраняют все особенности, характерные для жанра. Отклонения представляют собою скорей случаи дефектности, чем перевода сюжета в иной жанр.

Замечу также, что этот список я выдвигаю лишь как примерный. Ни законченным, ни даже в данном его составе безусловно обязательным я его не считаю, так как самая статья имеет целью лишь поставить вопрос, но не решить его окончательно. Присутствие в списке таких №№ как «Грибы» или «Журавль и цапля», а также отсутствие таких как «Ивашка и ведьма», «Братец Иванушка и сестрица Аленушка» и «Чудесная дудочка» — недостаточно пока оправдано. Но большинство списка все же настолько для меня несомненно однородно, что считаю возможным говорить об его жанровом единстве.

В дальнейшем я рассмотрю сначала исполнительские особенности жанра, а потом текстовые.

3.

Жанровую обособленность драматической группы сказок от всех других определяют прежде всего особенности их исполнения. Мои наблюдения в этом отношении настолько определены и устойчивы, что, должен сознаться, только им я обязан самому возникновению вопроса об особом жанровом положении драматической сказки. Записав и прослушав более 650 сказок разных жанров, я определенно выделил с точки зрения исполнения именно названную группу и только тогда начал приглядываться и к особенностям их текста. Если в отношении других видов сказки: чудесной, новеллы и т. п. возможны разные формы исполнения, которые зависят от таланта, артистизма, знания текста сказочника, и среди этих форм наличие драматических, театральных приемов изложения или простого говорного сказа есть дело случая и личности рассказчика, то в отношении рассматриваемой группы сказок наличие элементов театрализации в том или ином виде обязательно и почти не зависит от личности исполнителя. Плохо знающий текст ребенок вносит специальные элементы в исполнение коверкаемого текста (пение, игру интонациями и т. п.) так же, как те же элементы вносит мастер рассказчик.

Я отмечу три основных вида театрализованного исполнения, встречающихся при рассказывании данной группы сказок: театрализацию, декламационную и ритмизованную. Они попадаются чаще в смешанном виде, так что предлагаемая классификация представляет не столько группировку исполнителей, сколько группировку их технических приемов сказа. Впрочем, намеченные три формы исполнения в известной мере являются и общими границами для классификации манер сказывания этих сказок.

Наиболее яркой формой исполнения сказки драматической является театрализационная форма в собственном смысле. Выражается она в более или менее значительном участии в рассказе специального демонстрирующего сказку действия и жеста. Северо-Двинский мальчик, рассказывавший мне «Петух и жорновицы», два пинежских старика, передававшие «Серебряную овечку», дети рассказывавшие «Колобок»,

«Теремок», «Репку» в значительной мере разыгрывали эти сказки, показывая руками действия, меняв голоса при передаче диалога, внося выразительный жест. И вообще театрализация жестом и действием в драматических сказках обычна, но дается она чаще всего слабовато и скучно, лишь у отдельных сказочников принимая яркие формы.

Зато декламационная форма исполнения рассматриваемых сказок чрезвычайно ярка для большинства из них и у хороших и у плохих исполнителей. Она выражается, во 1-х, в игре интонациями и, во 2-х, в наличии элемента пения. Весь смысл таких сказок, как «Чорт уносит девушек», «Мена», «Колобок», «Курочка ряба» в необычайно живой и художественной игре интонациями, в художественном голосоведении. С другой стороны в таких сказках как «Серебряная овечка», «Волк песней просит овец», «Звери в яме», «Коза за орехами» и др. центральная роль в исполнении принадлежит распеванию тех стихов-песенок, которые составляют основной повторяющийся элемент сказки. Игра интонациями и пение неотделимы от драматической сказки в большинстве случаев. Их требует самая структура текстового материала (стихи или обильный диалог), самый характер сюжетов (на фоне повествовательной рамки живое динамическое действие—встречи). И я всегда встречал декламацию там, где рассказывалась драматическая сказка.

Наконец, не часто встречается еще ритмизованная форма исполнения драматической сказки. Правда, что стих в ней явление обычное. А стих по существу всегда ритмизован. Однако, здесь я имею в виду другое явление, когда исполнение приобретает характер ритмически-речитативного сказа. Такой случай мне попался в Заонежье, где Шура Филиппова из дер. Комлево рассказывала «Глиняного паренька» так, что вся сказка лилась по особой ритмической кривой, в которой повторяющиеся фразы говорились почти речитативом. Такой же случай я имею в Падмозере в сказке Курикова «Мена», где повторная формула говорилась быстрым речитативом и одним духом. Когда я умышленно перебил одну из таких формул сказочника, он остановился, потерянся и, чтобы сказать формулу, должен был начать ее сначала. Такой сказ речитатив обычен в сказках «Репка», «Петушок подавился» и др.

Таковы три основных вида театрализации названных сказок. Один из них или несколько непременные спутники исполнения всякой из названных сказок и потому должны быть признаны специфической особенностью самого жанра, органической особенностью его художественного бытия. Все другие виды сказок могут переходить на чисто говорной тип сказа, на спокойное бесцветное исполнение. Больше того, говорное исполнение чудесной сказки для рядовых сказочников — довольно частое явление. Для жанра драматических сказок такое исполнение может быть только как аномалия.

Таковы особенности сказок драматического жанра со стороны исполнения.

4.

Обращаясь к текстовой стороне драматических сказок и остановлюсь сначала на менее важных, потом на более важных признаках жанра.

Первая особенность сказок драматического жанра состоит в том, что все они отличаются малой или средней величиной текста и никогда

не бывают длинными. Этот признак настолько устойчивый, что можно считать своего рода случайностью соединения наших сказок с другими сюжетами. В последнем случае нередко соединяющийся сюжет утрачивает специфические особенности жанра, к которому он по преимуществу принадлежит. Средняя и малая длина этих сказок одинаково обязательна как для плохого исполнителя, так и для хорошего, для артиста.

Вторая особенность жанра в том, что все сказки, входящие в него, отличаются сравнительной стойкостью сюжетной схемы. Различия в вариантах идут по линии материального и словесного оформления схемы, которая почти не допускает вариаций, если не считать вариациями легких механических скатий или растяжений схемы. Варианты отличаются более распространенным или уменьшенным количеством однородных эпизодов, частей, фраз и т. п., но не ломкой основной сюжетной схемы. Эта особенность также отличает нашу группу сказок от сказок фантастических, где варианты одной и той же сказки допускают большую неустойчивость, подвижность и замену одних частей сюжетной схемы другими.

Третья особенность жанра, вероятно и обусловливающая стойкость схем—необычайная простота, четкость и элементарность сюжетной схемы всякой драматической сказки. Глиняный паренек проглатывает ряд лиц и лопается, чорт уносит девушек к себе и возвращает родителям, петушок подавился зернышком, и курочка добывает ему воды, колобок убегает из дома, и его съедает лисица, мужик получает слиток золота и невыгодной меной лишается его, барин похищает жернов и петух заставляет его вернуть и т. д. и т. д. Сюжетная схема любой чудесной сказки почти никогда не может быть выражена одним предложением, как это позволяет схема сказки драматической. Только пять последних сказок (№№ 24—27) несколько сложнее остальных, но все же они проще других чудесных сказок, и кроме того, м. б. составляют особый подвид драматического жанра.

Четвертая группа особенностей текста драматической сказки это особенности ее строения, композиции. Именно:

1) Общее явление для всех сказок этого жанра—двусоставность сюжетной схемы. С одной стороны, имеются определяющие сказку схематические сюжетные леса, что-то вроде своеобразной сюжетной рамки, а с другой стороны, столь же важные для сказки внутренние элементы сюжета, состоящие из ряда действий, картин, сцен. Вот небольшая табличка, показывающая двусоставность всех сказок данного жанра (см. на след. стр.).

2) Таблица обнаруживает и другое общее для всей группы сказок конструктивное явление, именно, повторность того внутреннего элемента, который составляет, строго говоря, *specificum* сказки данного жанра. Самая сущность содержания сказки как раз в многократном повторении одной и той же сюжетной морфемы. У колобка повторяются встречи и хвастовство, мужик многократно повторяет мену предметов за слиток золота, курочка повторяет много раз просьбу о воде для петуха старик повторяет испрашивание благ для старухи у золотой рыбки и т. д.

Как известно, повторность отдельных элементов сказки характерна и для других видов сказок. Напр., в любой чудесной сказке утраиваются отдельные эпизоды, встречи и т. п. Но эта повторность не та, что

№	Название сказки.	Рамочная часть сюжета.	Внутренняя часть сюжета (повторяющиеся и составляющие <i>specificum</i> сказки элементы).
1	Колобок	Колобок уходит из дома и попадает в лес.	Встречи колобка.
2	Теремок	Звери находят лапоть-теремок, их давит медведь.	Приход зверей в теремок.
3	Лапоток	Старуха (лиса) хитростью вместо лапти получает более ценные предметы.	Мена предметов.
4	Курочка-ряба . .	Курочка принесла яичко золотое, его разбили и горюют.	Сетования по яичку.
5	Глиняный парень .	Пожирает встречных, последний встречный заставляет его лопнуть.	Встречи парня.
6	Грибы	Боровик созывает грибы на войну.	Ответы грибов.
7	Лиса и дятел .	Лиса берется учить детей дятла и поедает их.	Встречи и разговор лисы с дятлом.
8	Коза за орехами .	Коза не хочет возвращаться из орешника.	Угрозы козе.
9	Репка	Мужик с помощниками выдергивает репку.	Приход новых помощников.
10	Петушок подавился .	Петушок подавился и выздоровал (или умер).	Встречи курочки.
11	Кот, петух и лиса .	Лиса похищает петуха, кот его выручает.	Предупреждения петуху и крики его о помощи.
12	Чорт уносит девушек	Девушек заманивает чорт (медведь) и относит обратно.	Заманивание девушек и ношение гостинцев родителям.
13	Мена	Мужик получает золотой слиток и утрачивает его.	Мена предметов.
14	Коза и козлята .	Коза оставляет козлят дома, волк их съедает.	Пение волка и козы.
15	Волк-песенник .	Волк песней выпрашивает различные предметы, овец...	Пение волка и разговор стариков.
16	Коза лупленая .	Коза лжет, что она не ела; наказана.	Вопросо-ответы.
17	Липовая нога .	Медведь идет за отрубленной лапой.	Песня медведя.
18	Зимовые зверей .	Медведь строит избу и вынужден пустить других зверей.	Приход и угрозы зверей.
19	Звери в яме	Звери в яме голодают и поедают друг друга.	Встречи зверей и выбор пением.
20	Петух и жорновцы .	Барин крадет жернова и вынужден вернуть их.	Крик петушки.
21	Серебряная овечка .	Работник получает чудесную овцу, которую безуспешно пытаются у него украсть.	Прикасание к овце и песня работника.
22	Лиса, заяц и петух	Лиса отнимает у зайца избу, петух возвращает.	Приход разных зверей.
23	Кочет и курица .	Кочет вышиб глаз курочке, бояре ищут причину.	Вопросо-ответы.
24	Золотая рыбка . .	Пойманная золотая рыбка дает и отнимает богатство.	Встречи с рыбкой.
25	Волк дурень	Волк ищет пищи, но ему причиняют боль.	Встречи волка.
26	Снегурушка и лиса .	Снегурушка заблудилась, ее спасает лиса.	Встречи снегурушки.
27	Журавль и цапля .	Журавль и цапля без конца сватаются и отказывают друг другу.	Встреча и отказ.

в нашей группе сказок. В чудесной сказке утробение есть прием техники рассказывания, техники изложения сказки, но не техники построения самого сюжета. Оттого сказка чудесная может иногда сказочником рассказываться без утробения, удвоения и т. п. Сюжет от этого не страдает, а лишь изменяется вариантное изложение сюжета. В рассматриваемой группе сказок повторение элемента—органическое свойство структуры самого сюжета. Если не будет повторных действий (мена, встречи и т. п.), то невозможна и самая сказка. Сюжет немыслим без повторений. Вот отчего, как будет указано ниже, формальный закон сказочного изложения—закон утробения, в сказках нашей группы не ощущается особенно рельефно. Повторения бывают многократные, но редко дают основание ощущению об участии в них закона троекратности.

3) Следующая особенность композиции этих сказок состоит в том, что названные повторные элементы всегда даны в шаблонизированных фразеологически конструкциях. При чем имеется четыре вида шаблонизации.

Первый вид:—буквально повторяющийся прозаический диалог. Напр., в сказке «Лиса, заяц и петух» повторяется несколько раз буквально следующая формула:

«Идет дорогой зайчик да плачет, а ему навстречу собаки: «Тяф, тяф, тяф! Про что, зайчик, плачешь?» А зайчик говорит: «Отстаньте собаки! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубянная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала».—«Не плачь, зайчик!» говорят собаки: «мы ее выгоним». «Нет, не выгоните!»—«Нет, выгоним!» Подошли к избенке: «Тяф, тяф, тяф! поди лиса, вон!» А она им с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам! Собаки испугались и ушли»¹⁾.

В этой формуле при последующих повторениях вставляется только другое животное на место собак (медведь, бык, петух), да меняется звукоподражательная фраза: вм. тяф, тяф, тяф петух поет: «Ку-ку-реку!», в других вариантах горностай кричит: «Тррр.. Тррр... трр...», старый заяц: «Цы-пы-пы-пы»²⁾ и т. д., иногда соответственно принаршивается к зверю и ответ лисы. Но самий текст в основе и диалог неизменны.

Еще пример из «Золотой рыбки». Повторяющимся шаблоном здесь является диалог старика с рыбкой: «Не выдержал старик, пошел к золотой рыбке за хлебом: пришел на море и крикнул громким голосом: «Рыбка, рыбка, стань в море хвостом, ко мне головой». Рыбка приплыла к берегу: «Что тебе, старик надо?»—«Старуха осерчала, за хлебом прислала».—«Ступай домой: будет у вас хлеба вдоволь». Эта формула повторяется по вар. Аф. № 39 пять раз.

Такой же прозаический диалог (или иногда нарушенный диалог) см. также в сказках о «Репке», «Волк дурень», «Зимовье зверей», «Ючот и курица», «Лапоток», «Лиса и дятел», «Снегурочка и лиса», «Глиняный парень».

Второй вид шаблонизации—короткий, отрывистый диалог, который, благодаря речитативному произнесению, начинает принимать определенно ритмический склад. Напр., в моем заонежском собрании

1) Ср. Аф. № 3.

2) Сказка в моем Пинежском собрании.

в сказке о «Мене» повторяющаяся формула звучала так: Встречные разговаривают с мужиком:

— Где стариёк быу? — У царя на именинах. — Што царю нёс? — Киселя блюдо. — А что тебе царь дау? — Золоту тетёрку. — Променяй, говорит, мне на ко- былку.	далъше: — Где стариёк быу? — У царя на именинах. — Что царю нёс? — Киселя блюдо. — Что царь дау? — Золоту тетёрку. — А где же тетёрка? — Променяу на кобыку. — А променяй нам на ко- рову.

и т. д. целых 9 раз. Другой пример в афанасьевском варианте «Петушек подавился» (Аф. № 34) повторяется следующий диалог:

Речка говорит: «Поди к липке, проси листа, тогда и дам воды!» — «Липка, липка, дай листу: лист нести к речке — речка даст воды; воду нести к петушку, — подавился петушек бобовым зернятком — ни спышит, ни сдышишт, ровно мертвый лежыт».

Другие сказки с шаблоном, склонным к ритмическому строению см. также в афанасьевских вариантах сказок: «Теремок», «Петух и жорновицы», «Курочка ряба», «Грибы». В последней сказке введена игра рифмой. Гриб боровик приказывает:

- «Приходите вы белянки ко мне на войну!» Отказались белянки:
— «Мы грибовые дворянки! не идем на войну!» и т. д.

Третий вид шаблонизации — определенный стих с песенной установкой. Напр., в моем пинежском вар. сказки «Кот, петух и лиса» шаблон звучит так: Лиса пришла и поет:

— Пёвшко, пёвшко,
Золотой грёбешко,
Выйди на уленьку —
Девки, молодки
Катаютце,
Золото гвоздьё
Выгибаютце.
Красно єицёшко
Далёко катитца.
Бояра-те наехали,
Гороху навезли,
Ды куры-ти клюют
Да петухам не дают.

А он и выскоцил:
— Кёоо-ко-ко! как не дают?
Его и унесла лисанька. Он и заревел:
— Коот да дрож
Понесла меня лиса
За темные леса
Серы каменья грызь.

Мелодия первых строк этой песенки 1).

1) Мелодия любезно записана для меня проф. В. В. Эвальд.

Эта формула повторяется несколько раз. Такой же песенно-стихотворный шаблон см. в афанасьевских вариантах сказок «Коза и козлята», «Липовая нога», «Коза за орехами», «Коза лупленая».

Наконец, четвертый тип шаблонизации—смешанный, когда в формулу шаблон входят сочетание диалога прозаического со стихотворным. Для примера возьму вариант афанасьевского «Колобка». Здесь шаблон звучит так:

«Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц:
— «Колобок, колобок! я тебя съем!»
— «Не ешь меня косой зайчик! я тебе песенку спою», сказал колобок и запел:

„Я по коробу скребён,
По сусекам метёй,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окопике стужон.
Я у дедушки ушол,
Я у бабушки ушол,
А у тебя зайца нехитро уйти!“

Такой же смешанный тип шаблона см. в вар. Аф. «Волк выпрашивающий песней овец». А также в моем собрании сказка о том, как чорт унес девушку под видом мешка с пирогами, вводит в шаблон стишок:

Сесь на пенёк
Да съесть пирожок.

Приведенная особенность драматического жанра сказок—т. е. шаблонизация повторяющегося (гл. обр. диаложного) элемента, крайне важный признак всех сказок этого жанра, настолько важный, что он имеет особенное значение в аргументации обоснованности данной группы сказок от других жанров сказки. Дело в том, что при всем разнообразии сюжетов, входящих в драматический жанр сказок и при устойчивости сюжетной схемы каждой сказки по вариантам, такого постоянства и устойчивости в выборе типа шаблонизации не наблюдается. Одна и та же сказка может шаблонизировать нужный диалог в формулах прозы, прозы ритмизованной и стиха. При этом даже одна и та же сказка по вариантам может шаблонизироваться по разным типам. Приведу только один пример. Указанная выше сказка «Петушок подавился», имеющая в афанасьевском варианте шаблонизацию, склонную к речитативу, в моем гельском варианте принимает определенную форму стиха:

„Липа, ты липа,
Дай мне-ка листу,
Лист—от морю,
Морё даст водицы,
Водица та петушку,
Петушок подавився зернятком“.

Мне кажется, эта свобода форм шаблонизации показывает, что для рассматриваемых сказок важны не столько формы текста повторяющейся части, сколько самый принцип шаблонизации. Он безусловен, он обязателен в рассматриваемой группе сказок. Даже прозаический шаблон дается в таких фразах, которые ощущаются как фразы афористические, кованные. Напр., в «Зимовье зверей» (Аф. № 30) шаблон:

«Куды, свинья, идешь?»—спросил бык.—«От зимы лета ищу», отвечает свинья. «Иди с нами».

Рассматривая шаблонизацию, необходимо оговорить, что повторяющиеся шаблоны в своем строении подчиняются общим законам сказочной техники. Напр., закон нанизывания одного и того же элемента происходит с последовательным усилением. Зайчику помогать выгнать лису из избы идут последовательно собака, медведь, бык, петух; требования старухи к золотой рыбке растут; в «Лапотке» старуха хитростью выменивает все более и более ценных животных и т. д. В других случаях имеется не усиление, а известная деградация, ослабление картины, напр., в «Мене» мужик все время меной теряет, то же в «Репке» отчасти. Есть, однако, сказки и без усиления или ослабления, а с наличием приема простого нанизывания. Напр.: «Грибы», «Кочет и курица», «Зимовые зверей» и др. Конечно, словесно шаблон в сказках с каждым новым повторением растет, удлиняется. Но это удлинение не меняет технической функции шаблона и его значения в композиции текста сказки. Вот почему, строго говоря, эта сторона наших сказок, как общая со всеми другими видами сказки, может быть оставлена без специального внимания. Любопытно только подчеркнуть, что закон устроения во всей этой технике шаблонизации в нашей группе сказок ощущается лишь изредка и скорей как исключение, чем как правило.

4) Уже приведенные выше примеры совершенно ясно показывают еще одну важную композиционную особенность жанра—обязательное в шаблонизированных и повторяющихся частях текста, составляющих его специфическое, наличие диалога. Чаще всего диалог ясно выражен, как это видно по всем вышеприведенным примерам. Но в редких случаях диалог бывает в скрытом виде, т. е. дан в виде односторонней реплики. Напр., в сказке о «Серебряной овечке», к которой прилипают все, кто прикасается, казак явно вместо диалога вводит монолог-песенку:

Казак-от идёт
Да барана ведёт
Да девка то за бараном,
За девкой попадья,
За попадьёй клюка,
За клюкой то поп,
За попом то сноп,
За снопом то лопата,
За лопатой то мужик
Да туда же бежит.

Еще реже случаи пропуска диалога или замены его косвенной речью. Напр., в афанасьевском сборнике «Репка» наряду с вариантом с диалогом (№ 46, примеч.) знает вариант с пропуском диалога (№ 46 основной вар.) или в афанасьевском варианте «Лапотка» (№ 1f) часть повторяющейся формулы дана с диалогом, часть в косвенной речи. Редкость подобных примеров заставляет заподозрить или неточность и неполноту записей сказок или признать подобные варианты дефектными, нарушенными, м. б. иногда представителями деформации жанра, потому что диалог в большинстве сказок жанра безусловно имеется на лицо. Здесь идет речь, конечно, не о возможной лишь форме изложения сказки. Известно, что чудесная сказка может рассказываться и повествовательно

и диалогически в зависимости от вкуса и манеры сказочника. В рассматриваемой группе сказок диаложное построение известной части текста является художественно-органическим требованием самой жанровой конструкции данного вида сказок. Это наличие органического формально-драматического признака в самом тексте нашей группы сказок и позволяет приклеить к ней ярлык «драматической» сказки. К тому же, как мы видели выше, ведут и особенности исполнения рассматриваемых сказок.

5) Наконец, последняя крупная особенность конструкции драматических сказок состоит в том, что связь между рамкой и повторяющими элементами, как и вообще все построение сказок осуществляется не вполне так, как в обычной чудесной сказке. В последней сюжет строится всегда на стержне геройности¹⁾. Будет ли чудесная сказка одногеройной или двугеройной, но герой или герои в ней определяют весь ход строения сказки. В группе драматической сказки важнейший, кристаллизующий сказку фактор, не герой, а основное действие и именно то, которое повторяется. Встречи глиняного парня, мена предметов, несение чортом девушек, встречи курочки, крик петушки и т. д. составляют стержневой момент в нашей группе сказок. В этом отношении ее можно назвать не геройной, а действенной сказкой. Правда, что всегда в сказке есть носители действий, но ясно, что не гриб боровик, созывающий на войну другие грибы, герой, не мужик меняющий тетерку, не репка, которую ташут, а именно самый созыв грибов, мена, тягание репки и т. п. действия, предопределяющие и конкретную конструкцию сказки.

Если же мы углубимся дальше в анализ преобладающих в сказках драматической группы действий, то придем к несколько неожиданному, но крайне любопытному наблюдению. Большинство сказок группы имеет в качестве композиционного стержня только одно действие, именно встречи. Конкретное разнообразие сюжетов отдельных сказок жанра определяется т. сказать вторичными действиями обрастающими осевое действие—встречи. Если взять из приведенной выше таблицы двусоставности сказок столбец третий, т. е. список главных действий, определяющих строй сказок, и проредактировать название повторяющихся действий несколько иначе, то получим следующую табличку. (см. на след. стр.).

Эта таблица ясно показывает, что драматические сказки пользуются исключительно действием встречи, как основным конструктивным приемом вязания сказки. Из приведенных 27 №№ сказок только в №№ 6 и 12 действие встречи несколько затушевано, но все же, кажется, и в них оно может быть предположено, да в №№ 8 и 9 встречи могут быть оспариваются.

Таковы важнейшие особенности сказок драматического жанра со стороны текста. Конечно, только композиционные признаки в их совокупности являются определяющими жанр. Простота же сюжетов, их стойкость и краткость сказок являются лишь сопутствующими признаками и имеют значение только при наличии композиционных. Точно также и

¹⁾ О строении чудесной сказки см. В. Пропп. Морфология сказки Л. 1928 и А. Никифоров. „К вопросу о морфологическом изучении сказки“ в Сборнике в честь акад. А. И. Соболевского.

№	Название сказки.	Основное действие сказки при аналитическом рассмотрении.	
		Стержневое действие.	Действия вторичные, конкретизирующие стержневое.
1	Колобок	Встречи колобка.	—
2	Теремок	Встречи зверей.	—
3	Лапоток	Встречи старухи (лисы).	Мена предметов.
4	Курочка ряба . . .	Встречи людей.	Сетования по яичку.
5	Глиняный парень .	Встречи парня.	—
6	Грибы	Встречи боровика.	Ответы грибов.
7	Лиса и дятел . . .	Встречи лисы.	Хитрые речи лисы.
8	Коза за орехами .	Встречи козы (недполаг.).	Угрозы козе.
9	Репка	Встречи домочадцев.	Выдергивание репки.
10	Петушок подавился .	Встречи курочки.	—
11	Кот, петух и лиса	Встречи петуха с лисой.	Предупреждения петуху; крики о помощи.
12	Чорт уносит девушки	Встречи с чортом.	Заманивание девушек и ношение гостинцев родителям девиц.
13	Мена	Встречи мужика.	Мена предметов.
14	Коза и козлята . . .	Встречи волка, козы с козлятами.	Пение козы, волка.
15	Волк-песенник . . .	Встречи стариков с волком.	Пение волка и разговор стариков.
16	Коза лупленая . . .	Встречи с козой.	—
17	Липовая нога . . .	Встречи медведя.	Песня медведя.
18	Зимовые зверей . . .	Встречи зверей.	Угрозы зверей
19	Звери в яме	Встречи зверей.	Уговор состязаться пением.
20	Петух и жорновцы .	Встречи петуха с барином.	Крик петуха.
21	Серебрян. овечка .	Встречи работника.	Прикасание к овце и песня.
22	Лиса, заяц и петух	Встречи зверей.	Попытка прогнать лису.
23	Кочет и курица . . .	Встречи бояр.	Вопросо-ответы.
24	Золотая рыбка . . .	Встречи старика с рыбкой.	—
25	Волк-дурень	Встречи волка.	—
26	Снегурочка и лиса	Встречи снегурушки.	—
27	Журавль и цапля.	Встречи журавля с цаплей.	Отказ от женитьбы.

отдельные композиционные признаки, вычлененные из их совокупности могут встречаться в других сказках, которые не могут быть отнесены к жанру драматическому. Напр., у Аф. под заглавием «Лиса и тетерев» (№ 11) дан интересный диалог лисы и тетерева. В этом диалоге, если только его можно отнести к сказке вообще, при наличии других признаков драматического жанра, отсутствуют два: повторный элемент и шаблонизация. Ясно, что «Лиса и тетерев» выходят из пределов сказок рассматриваемой группы. Эта сказка особенно напрашивается на сближение потому, что в ней есть встречи и диалог. Такого же рода диалог-сказку я записал в Пинежье под загл. «Векунша». Но тем с большей

четкостью подобные диалоги-сказки должны быть отделены от сказок драматического жанра. Очень возможно, что после полного выявления жанровых групп в сказке примеры подобные «Векуши» или «Лиса и тетерев» останутся вообще за пределами сказки.

5.

Подводя итоги наблюдений над жанровыми особенностями перечисленной группы сказок, я бы теперь сказал, что под сказкой драматического жанра я разумею сказку, обладающую простой, краткой, устойчивой по вариантам сюжетной схемой, двусоставной по построению, с наличием повторных, формально шаблонизированных, скомпонованных на одном стержневом действии (главным образом встречи), элементов, облеченные в прямо или скрыто-диаложную стилистическую форму, и исполняемую, как правило, театрализованным сказом.

Приведенное определение я считаю нужным сопроводить двумя дополнительными замечаниями.

Прежде всего, очевидно, это определение на первый взгляд не считается с обязательным требованием всякой классификации явлений — единством принципа выделения явлений. Драматическая сказка выделяется в особую группу на основе двух различных принципов: формально-композиционного (т. е. текстологического) и исполнительского. Но должен определенно сказать, что именно выдвижение этой двупринципности классификационного критерия при изучении произведений народной словесности я и рассматриваю как положительное принципиальное задание всей своей статьи. Произведения народной словесности — не литература, которая пишется писателем молча за столом и читается читателем тоже молча за столом. Наоборот, сказка, песня, былина и т. д. прежде всего произносятся, бытуют только устно, живы тогда и до тех пор, когда и пока произносятся. Текст сказки без учета его исполнения — труп. И изучение этого трупа даст понимание анатомии сказки, но не жизни сказочного организма. Другими словами, чисто историко-литературный подход к изучению произведений народной словесности господствующий в науке и объясняемый тем, что занимались такими изучениями пока главным образом историки литературы, с точки зрения чисто фольклористической должен быть сменен другим подходом — фольклористическим. Для фольклориста сказка обязательно должна быть чем то более сложным, чем только записанный собирателем текст. Если принять это положение, то станет ясным, что в сущности в предложенном определении не два принципа классификации, а один более сложный, синcretический принцип, выдвигаемый сложностью, синcretическим характером самых классифицируемых явлений.

Другое замечание касается самых названных мною драматическими сказок. У читателя, естественно, возникнет мысль о тождестве рассмотренных сказок с так называемыми кумулятивными сказками. Против некоторой близости драматических сказок к этой группе сказок возражать нельзя. Отдельные кумулятивные сказки входят в драматическую группу. Но, во 1-х, понятие «кумулятивная сказка» главным образом

морфологическое, а не идущее от бытования сказки, не фольклорное понятие. Во 2-х же, и по существу в драматическую сказку входят очевидно и такие сказки, которые к кумулятивным отнесены быть не могут (Золотая рыбка; Серебряная овечка, Чорт уносит девушек и др.)¹⁾. Понятие драматической сказки—чисто фольклористическое понятие, несколько более сложное и идущее по линии наблюдений, отличной от той, какая выдвинула понятие «кумулятивной» сказки.

6.

Есть еще один вопрос, который сам собой встает перед изучающим драматическую сказку. Не является ли этот жанр жанром специально детского репертуара? Этот вопрос, повидимому, надо решить положительно, если понимать под детским репертуаром не только сказку, рассказываемую детьми, но также и ту, что рассказывают взрослые детям и хранят для детей, так называемую «робяцью» сказку. Многие особенности драматической сказки, как простота, краткость сюжета, повторность одного и того же элемента, шаблонизация, самое диаложное оформление и театрализованное исполнение—все это особенно способствует народно-педагогическому использованию сказок данного жанра. Правда, что драматическим жанром не исчерпывается детский репертуар. В настоящее время в него входит, повидимому, несколько жанров: сказка игровая, сказка бесконечная, сказка чудесная, сказка с загадками и т. д. С другой стороны отдельные сказки драматического жанра входят в репертуар взрослых сказочников, предназначенный для взрослых же. Напр., «Серебряная овечка» в Пинежье связывается с чисто чудесными сказками. Но обособленность сказок драматического жанра среди других во всяком случае очевидна.

На признание за ними детского характера я натолкнулся и в самом народе, особенно в Пинежье. Были случаи, когда сказочник, передав мне весь репертуар, затруднялся припомнить сам еще «сказки». Но стоило напомнить сказочнику про «робяцью» сказку, как у исполнителя их оказывалось в запасе несколько. Так как без специального упоминания «робяцы» сказки самим сказочникам не всегда приходят в голову при вопросе о сказке, надо допустить, что и в сознании самого народа «робяцы» сказки ощущаются как группа, отличная от других сказок. Не говорю уже о том, что в репертуаре детей не «робяцья» сказка, как правило, хранится в памяти только на втором плане.

Приведенная характеристика драматической сказки ничего не говорит, разумеется, об историческом происхождении самого жанра. Точно также, проводя жанровые границы в материале, я устанавливаю один из существующих и сосуществующих наряду с другими видов оформления материала сказки в наше время, оставляя в стороне частные вопросы об истории отдельных сюжетов, входящих в данный жанр. Все

¹⁾ О кумулятивной сказке см. M. A. Henry Bett. *Nursery rhymes and tales their origin and history*. London 1924 и работу Lina Eckenstein. *Comparative studies in nursery rhymes*. London 1906. В последней работе даже дана (стр. 116) формула нарощения, типичная для кумулятивной сказки, именно А, а; В, б, а; С, с, б; а; D, д, с, б, а, и т. д., т. е. классическим примером такой сказки у нас является „Коза с орехами“. Ср. также О. Копица. Детский фольклор. Л. 1928.

это особые вопросы. Но открывающиеся перспективы более правильного понимания художественной значимости отдельных видов народного творчества у самого народа в наши дни, оправдывают, по моему мнению, и принципиально вышеизложенную постановку вопроса. Кое-что, впрочем, она может дать и историку, так как указывает на некоторые типические явления в области художественного построения и применения народной сказки.

О составлении алфавитных указателей к собраниям сказок.

В. Пропп.

1. Число собираемых сказок растет ежегодно чрезвычайно быстро. Исследователь, обязанный изучить весь материал, поставлен в необходимость запомнить его. Между тем, запомнить те тысячи сказок, которые имеются в нашем распоряжении, тем более невозможно, что важны не только сюжетные схемы, но важны детали, имеющие иногда первостепенное научное значение.

Что при строгом научном изучении полагаться на память нельзя, это очевидно. Если бы к нашим сказкам были составлены надежные указатели, то материал из сырого до известной степени превратился бы в обработанный.

Указатели могут быть сюжетными, мотивными, тематическими, или, наконец, они могут быть посвящены более дробным частям, это—так наз. «предметные» указатели.

Указателям последнего рода и посвящена настоящая статья.

Такой указатель может дать исследователю ряд важнейших справок, он дает систематическую сводку материала по целому ряду частных вопросов, он, как в зеркале, отражает характер сборника и, наконец, он сберегает весьма значительное количество рабочих часов и освобождает исследователя от некоторой части черной работы.

Но таким требованиям отвечает только правильно составленный указатель. Составление указателя не может считаться только технической работой. Оно основано на определении и распределении явлений и представляет собой сложную научную задачу.

Что значение указателей постепенно растет, можно видеть из роста их объема. Принимая чистый текст сказок за сто, объем указателей к главнейшим русским сборникам выразится в следующих процентных величинах:

1895. Афанасьев, изд. 3-е (указатель Грузинского)	2,5%
1908. Н. Е. Ончуков, Северные сказки	6%
1914. Д. К. Зеленин, Пермские сказки	11%
1915. Б. и Ю. Соколовы, Белозерские сказки	25%

Мы видим, что за 20 лет объем указателей увеличился ровно в 10 раз.

В критику приведенных указателей можно не углубляться. С увеличением объема улучшается и качество их, но, тем не менее, все они обладают рядом существенных недостатков, из которых некоторые будут раскрыты ниже.

2. Прежде всего при составлении указателя должен быть поставлен вопрос: что именно, какого рода материал должен войти в указатель? В отличие от сказочного слова яркий указатель дает выбранный материал. Отбор не должен быть случайным, его следует производить по известным принципам. Большинство указателей является «предметными» в узком смысле слова: в них указываются лишь предметы и лица. Образец—буква *T* в указателе Грузинского: табакерка, таракан, татарин, тетерев, тигр, ток, топор, трава, трость, труба.

Однако, наряду с предметами необходимо указывать и действия. Отсутствие таких граф, как погоня, спор, пир, сватовство и пр. часто сильно роняет значение указателя. Наконец, необходимо внести и некоторые качества. Домовитость и лень, вещая мудрость, сила и пр.—подобные графы часто нужны исследователю.

Таким образом, предметы, действия и качества представляют собою некоторый минимум, без которого не может обойтись указатель.

Обратимся к рассмотрению каждой из этих категорий в отдельности.

3. Для более удобного рассмотрения предметов и персонажей мы разобьем их на две категории: на действующие предметы и персонажи (конь, клубочек, старуха) и на предметы и персонажи недействующие, аксессуарного характера (дорога, ворота, огонь). Рассмотрим в первую очередь действующие персонажи и предметы.

Предметы и персонажи в существующих указателях до сих пор обычно обрабатывались следующим образом. Для образца возьмем графу «конь». Если конь встречается в сказках №№ 1, 5, 7, 12 и т. д., то из материала, который дает сказка № 1, берется одна яркая или характерная черта коня и указывается. Затем берется сказка № 5, тоже с приведением одной черты, затем следует № 7, 12 и т. д. Другими словами: материал располагается в порядке нумерации, и при каждом номере указывается 1—2 черты по выбору составителя указателя. Что выбор в большинстве случаев субъективен—это совершенно ясно. В результате такого приема неизбежно получается не только неполнота, но и неправильное отражение имеющегося фактически материала. Если об одном коне показывается, что он появляется из озера, а о другом, что он носит по воздуху, то при данном приеме это еще далеко не означает, что первый конь *не* носит по воздуху. Кроме того, такой способ не экономен в отношении места. Если та же черта повторяется в сказке № 1, № 50 и др., причем эта черта почему-нибудь остановила на себе внимание составителя, то она выписывается два раза и больше.

Все указанные недостатки могут быть проверены, напр., на графике «конь» указателя Грузинского.

Конь (сивка-бурка)—богатырский, из ушей пламя 60 (не соответствует действительности) 67а,—носит по воздуху 71в (В),—помогает убить змея 71в (В), 73 (не соответствует действительности) 77 (пропущен конь из сказки № 76),—о 12 крыльях с серебр.

шерстью и золотой гривой 77. 78,—три коня: серый, вороной и рыжий, являются, когда палят их шерсть, и выносят героя из земли (79) и т. д.

Нет необходимости подробнее останавливаться на несистематичности и неизбежной неполноте такого способа обработки, а также на более мелких дефектах. Из сказанного очевидно, что материал не должен располагаться в порядке нумерации, он должен быть расположен по известному плану, по известной системе. Система эта может быть единой для всех действующих персонажей и предметов.

Взамен приведенного порядка может быть предложен следующий план:

1) Во-первых, после приведения заголовка (номенклатуры) о каждом трактуемом объекте сообщаются черты внешнего облика (о коне: масть, крылья и пр.; о яге: костеность, седые волосы и т. д.; о змее: многоголовость, огненность и пр.).

2) Затем сообщаются те особенности персонажа, которые проявляются в его движениях. Так, если под конем дрожит земля, то это не облик его в том смысле, в каком к его облику относится серебряная шерсть. Эта особенность в сказке чаще всего проявляется при первом появлении персонажа перед глазами героя. О змее здесь сообщается, что, появляясь из озера, он подымает за собой воду на 3 аршина; о яге—что она летит в ступе, о коне—что под ним дрожит земля, из ноздрей сыплются искры и пр.

3) О некоторых персонажах, принадлежащих к широкой категории волшебных помощников, необходимо сообщать условия их вызова. Конь вызывается по свисту или заклинанию, молодцы—если повернуть кольчко, дух—если его позвать и пр. Для других персонажей, кроме помощников, этот пункт не имеет значения.

4) Далее сообщается о жилище или местопребывании персонажа. Для яги характерна избушка, для змея—гора и огненная река, озеро и пр. Здесь вообще показываются локальные связи персонажа, а не только его жилище или обиталище. Так, конь не имеет жилища. Но все же до службы он находился либо в подземной полости, либо в морской глубине и пр. Таким образом, здесь можно показать первоначальное местопребывание персонажа до его активного вступления в ход действия.

5) Вслед затем необходимо сообщить о качествах, свойствах и способностях персонажа. Под «качествами» понимаются исключительно невидимые для глаза свойства, проявляющиеся только в действиях. Так, обладание золотой гривой не может считаться качеством коня. Но способность рассыпаться золотом—качество. Таким образом, «качество» здесь понимается, как способность, а так наз. внешние качества отнесены к рубрике «облик».

6) Далее необходимо сообщить, как персонаж включается в ход действия. Это—категория чисто морфологическая, но совершенно необходимая для исследователя. Чаще всего здесь дается ответ на вопрос, как данный персонаж вступает в кругозор или владение героя. Для яги это почти всегда будет встреча, для помощников это будет дар или купля-продажа, или находка, или отвоевание и пр. Царевна большей частью добывается (в различных формах) или отыскивается и пр.

7) Затем необходимо указать, каким действиям подвергается персонаж. Его награждают, наказывают, убивают, похищают, девушку насильно выдают замуж и мн. др. Эту подверженность действиям необходимо внести в указатель. Есть целый ряд персонажей, которые не действуют, а только терпят. Так как сюда входит убийство, то сюда же вносятся и другие формы смерти. Следственно сюда же должны быть отнесены формы рождения.

8) В дальнейшем придется перейти уже к действиям, к функциям персонажа. Но прежде, чем это сделать, надо убедиться, все ли черты персонажа внесены в указатель. То, что не уложилось в схему, объединяется данной дополнительной графой. Здесь исчерпываются статические, атрибутивные признаки.

9) Наконец, последнее, что сообщается — это поступки, функции, действия героя. Эта графа окажется довольно широкой, наиболее широкой и богатой из всех. Действие здесь должно быть показано не в общих чертах (не «помогает советами»), а по возможности точно и конкретно («указывают живую воду»).

Указанные девять пунктов будут иметь значение для персонажей, которые встречаются часто и дают богатый материал. Если материал велик, полезно начать каждый новый отдел с римской цифры. Читатель сразу будет знать, где что искать и освобожден от необходимости проходить материал целиком. Можно возразить, что при таком способе материал разрывается на части. То, что в сказке дано вместе, здесь далеко разъединено. Это так, но это неизбежно. При таком способе не повторяются слова, а повторяются номера. Это единственная возможность исчерпать материал, не увеличивая указателя до невероятных размеров. Для тех читателей, которые не будут читать указателя, а хотят лишь знать, в каких сказках встречается, напр., конь, можно эти номера выписать отдельно, поместив их сразу после заглавия или в конце рубрики, после материала. Картина, которую дает одна сказка, может быть установлена, если пробежать глазами номера и отыскивать материал под одинаковыми номерами.

Для образца приведем разработку графы «конь», проделанную по данному плану. В качестве материала возьмем сказки Афанасьева №№ 60 и 79 включ., т. е. материал предыдущего образца. Мы увидим, как многое пропущено в указателе Грузинского. Этот материал, приведенный выше, но нашему плану будет выглядеть следующим образом:

Конь. I (начинаям с облика) Вороной 67а, 77 Ц, 79.—Вороной, серый, рыжий 79.—Шерсть серебряная 77, 78.—Хвост, грива золотые 77.—Во лбу месяц 77 Ц, 78.—По бокам звезды 77 И.—Крылатый 77.—В богатой сбруе 73.—Кобылица кудная и 41 прекрасный жеребец 60.—Шаршиловый жеребенок 78.—II (Переходим к движению и пр.). Бежит, земля дрожит, искры сыплются и пр. 67а, 76, 79.—Летит выше леса, ниже облака 71в В:—III (Следуют формы вызова) Является по свисту или заклинанию 67а, 76.—Является, если припалить шерсть 79.—IV (Переходим к локальным связям). До службы пребывает в подвале, под камнем в поле 73.—В подземном царстве 73.—В поле у палатки стоит 79.—В морской глубине 60.—На конюшне у отца героя 79.—V (Переходим к качествам). Мудрый, дает советы 60.—Спотыкается под змеем, предостерегает его 76, 77.—Рвется помочь герою в бою 71в В, 77.—Издавна ждет его 73.—VI (Переходим к формам добычи). Подарен из благодарности 67а, 69.—

Подарен побежденным стариком 69.—Укрошенной кобылицей подарены жеребцы 60.—Взят жеребцом у мужика по указанию старика 78.—Обнаружен случайно 73, 77.—Взят из родительского дома 71б (В), 79.—Кобылица поймана ночью 60.—Кони добыты от змея 76, 78.—VII (Переходим к претерпеваемым действиям). З коня рождены кобылицами после выпитых ополоцин от волшебного леща 79.—Выкорчлен 72.—Кобылица укрощена 60.—Кони отца испытаны положением руки и отвернуты;—жеребенок у мужика признан 78.—Увиден во сне царем, за ним послан Иван, похищенный мужиком сам с перст и вновь добыт 78.—Принадлежит змею 76, 77.—Принадлежит Белому Полянину 79.—IX (Переходим к функциям). Пытается сбить седока 60.—Мгновенно доставляет героя из подземного царства домой 79,—на гору к змею 71б (В).—Помогает победить змея 71б (В), 76, 77,—воинство врага 67а.—Спасает героя от змеихи, перепрыгивает через ее пасть 78.—Срывает крышу с дома, нарушает свадьбу с божественным женихом 79.—Дает герою новый облик, пропуская его сквозь свои уши 79.—Дарит табун жеребят 60.—Советует обменяться платьем с дочерьми яги 60.

Здесь нужно, однако, заметить, что этот план годится только для совершенно единообразных персонажей одной категории. Различные персонажи, объединенные только называнием, может быть придется предварительно разбить по категориям, и уже только после этого можно будет применить данный план. Так, напр., ведьма может быть: 1) ягой, 2) родней змея, 3) мачехой, 4) реальной ведьмой. В таких случаях персонаж разбивается, каждая категория озаглавливается, и после этого дается материал для каждой категории отдельно. Впрочем, целесообразность такой разбивки должна выясниться в процессе работы.

4. Кроме действующих персонажей, в указатель входят также персонажи не действующие. Обработка их, конечно, значительно легче. Она вряд ли требует плана. Желательно ввести все имена существительные, но это, конечно, не обязательно. Такая полнота будет иметь значение для изучения стилистики сказки, но взять на себя функции словаря указатель все же не может. Если предмет интересен сам по себе с точки зрения этнографической или иной, если интересна егоичность, как таковая, но о данном предмете сказка не дает никаких подробностей, то достаточно указать номер сказки. Если этого интереса нет, предмет может не показываться. Если же сообщаются кое-какие подробности, то их можно привести. Возьмем фразу: «Старик на утро, ни свет, ни заря, запрег кобылицу в дровни, подвел к крыльцу; сам пришел в избу, сел на коник и сказал» и пр. Здесь старик должен быть разработан, как действующее лицо, по указанному плану. Свет, утро и заря могут быть не указаны вовсе (впрочем, как уже упомянуто, приведение имен существительных полностью все же желательно); изба, дровни, крыльце и коник могут быть показаны с одним лишь приведением номера. Что касается кобылицы, то она, в отличие от волшебного коня может быть показана под рубрикой «лошадь». Если же предмет более интересен, и в тексте даны детали, то эти детали можно внести. Так, если на воротах расстреливается ведьма, то показывается: Ворота—на воротах расстреляна ведьма. При обработке такого рода материала надо следить за тем, чтобы, с одной стороны, заносилось все действительно характерное и существенное, а не ненужные мелочи, с другой же стороны надо обращать внимание на то, чтобы записанное было ясно без справки по тексту. В указателях не

редки такие записи: Доска белая, деревянная с надписью. Такое объяснение ровно ничего не говорит. Открывая текст, находим, что Ивана преследует девица-царица; во время погони Иван бросает доску с оскорбительной для девицы и насмешливой надписью. В таких случаях предмет должен быть зафиксирован со стороны его значения для хода действия, а не со стороны внешних признаков (белая, деревянная), которые вовсе несущественны.

5. В связи с обработкой предметов и персонажей, встает еще один нелегкий вопрос: вопрос о синонимах. Синонимы, конечно, должны войти в указатель. Но было бы ошибкой разрабатывать материал всегда под тем словом или обозначением, которое дается сказкой. «Перстень» и «кольечко» не требует двух граф. Достаточно разработать материал под одной графикой (напр., «перстень»), а от другой дать ссылку («кольечко, см. перстень»).

Но планомерное следование этому принципу иногда окажется затруднительным, в особенности в применении к персонажам. Как быть, если, напр., Егибиха, бабушка задворенка, старуха и ведьма окажутся не чем иным, как ягой? Показывать ли их под рубрикой «яга», или создавать для каждого персонажа свою рубрику? Вопрос может быть решен следующим образом: ряд имен существительных, выражающих частное понятие, должны быть собраны под одно общее понятие. Эти общие понятия вносятся в указатель и разбиваются на ссылки. Образцы: рыба—см. ерш, лещ, окунь, щука. Медицина—см. аптека, лекарь, снадобье, холера. (Этот прием умело использован в сборниках Д. К. Зеленина, где можно найти ряд прекрасных образцов). Такой же обработке могут быть подвергнуты и персонажи. Разница будет состоять лишь в том, что к персонажам не применимы логические категории, они должны быть разбиты на категории морфологические. Эти категории указаны в исследовании автора о морфологии сказки¹⁾. Волшебная сказка знает семь категорий персонажей: вредители, отправители, герои, ложные герои, дарители, помощники, искомые персонажи (или объекты). С этой точки зрения всякий персонаж и должен быть определен. В данном же примере вопрос разрешается тем, что яга может быть или вредителем, или дарителем. Если она даритель, то заносится: дарители—см. баба-яга, бабушка-задворенка, ведьма, Егибиха, старуха и т. д., и каждая из показанных рубрик разрабатывается самостоятельно.

Впрочем, в некоторых случаях удобнее итти обратным порядком. Так, напр., благодарных животных лучше показать вместе, и от частных случаев давать ссылку к общей графике. Это же касается тех персонажей, которые в сказке именованы различно, принадлежа к одинаковым категориям. Чаще всего в сказке именуется царевна. В этих случаях нет необходимости создавать отдельные графы для Анастасии, Анны, Василисы, Елены и т. д. Достаточно дать ссылку к царевне. В этом случае перечисление имен, т. е. разработка номенклатуры, будет предшествовать вышеуказанным девяти пунктам плана.

6. Действия или функции персонажей большинством указателей до сих пор почти совершенно игнорировались. Так, указатель Грузинского дает лишь следующие случаи: бой (приведен всего 1 случай!), вырезы-

¹⁾ В. Пропп. Морфология сказки. Ленинград. 1928. Из-во „Academia“.

вание младенца из матери, гадание, казнь (разработано), кровосмешение, обмывание. В указателе Н. Е. Ончукова действия не приведены вовсе, повидимому—сознательно. Но уже указатель Зеленина дает около 100 граф, указывающих действия. В указателе Б. и Ю. Соколовых действия опять исчисляются единицами и разработаны слабо.

Такое игнорирование имеет свои причины. Оно основано на том, что действия, прежде чем быть внесенными в указатель, должны быть определены, а дать это определение не всегда легко. Во вторых, повидимому, здесь некоторую роль играет то соображение, что действие может быть найдено по некоторым предметам или некоторым персонажам. Действительно, игра в карты, напр., может быть найдена под графикой «карты» и т. д. Но в целом, как принцип, это соображение не выдерживает критики. Действия приписываются в сказке настолько разнообразным лицам, выполнение действия тем или другим персонажем иногда настолько неожиданно (венк подсматривает), что отыскивать действия по предметам в целом невозможно. Действия должны быть отделены от предметов и рассматриваться самостоятельно. Что при нашем плане действия уже приведены при исполнителях, это никако не меняет дела. Они должны войти в указатель вторично. Повторение того же материала под разными графиками не только возможно, но даже необходимо и обязательно. Такой случай, как похищение змеем царевны, должен быть показан и под графикой «змей», и и под графикой «царевна» и под графикой «похищение».

Как уже указано, действие прежде всего должно быть определено. Для волшебной сказки эта работа уже начата. В названном исследовании по морфологии сказки сделана попытка выделить все функции волшебной сказки. Число их весьма незначительно, и все действия волшебных сказок могут быть подведены под указанные там категории. Если даже не соглашаться с произведенным там выделением, если увеличить их число и пр., то все же использование этой работы окажет составителю некоторую услугу. Многое сложнее обстоит дело с фиксацией действий других сказок (новелл, анекдотов и пр.). Действия их обладают большим разнообразием и еще не изучены. Здесь перед составителем указателя стоит нелегкая задача определения действия. В короткой статье невозможно исчерпать вопроса. Здесь можно указать лишь некоторые принципы. Главный принцип определения следующий: всякое действие фиксируется не только само по себе, но определяется со стороны его значения для хода действия. Так, если волк поет музыку песню, чтобы выманить овцу (Аф. 21), то фиксируется не только «пение», но и «выманивание». Но такой подход часто не удается за неясностью значения функции, за невозможностью зафиксировать значение одним словом или потому, что функция может не обладать никакой морфологической значимостью. В этих случаях уже должна помочь просто логика. Каждое частное явление в этом случае просто возводится к более широкой категории, и эта категория и показывается. Здесь нужно еще упомянуть, что целый ряд действий может быть не показан вовсе. Показываются только те, на которых строится действие. Такая фраза, как «сказал волк и пустился к деревне; увидал свинью с порослями» и пр. своими действиями вовсе не отразится в указателе, т. к. все это мелкие действия, не имеющие отношения к компо-

зиции сказки. Наоборот, если Иван отправляется искать царевну, то отправка здесь должна быть зафиксирована, т. к. здесь мы имеем элемент завязки.

Это все, что здесь может быть сказано относительно определения действий. Все остальное должно решиться в процессе работы. Разумеется, что действия, не имеющие морфологического значения, но интересные с точки зрения этнографической, должны быть показаны.

Дальше уже возникает вопрос о фиксации материала, показуемого под каждой отдельной рубрикой. Фиксация эта должна производиться по известному единому приему. Прием может быть следующий:

1) В первую голову указывается, кто именно совершает действие, указывается исполнитель функции (субъект ее).

2) Затем указывается сама функция. Если нужно, даются подробности, дается форма выполнения, приводятся применяемые средства (напр., волшебные) и пр.

3) Далее необходимо указать на объект функции, т. е. на те персонажи, на которые она распространяется. Так, для похищения надо указать, что именно похищается и у кого; для погони — за кем она совершается, для спора — о чем спорят, для трудной задачи — кому задается и т. д.

4) В некоторых случаях необходимо указать на причину или цель функции (мотивы). Последнее часто дает возможность понять сразу в чем дело, т. к. необычайные действия могут стать понятными, если знать их цель.

Не во всех случаях будут указываться все приведенные элементы, но это та схема, на которую следует ориентироваться.

Наконец, третий вопрос, который возникает в связи с обработкой функций, это вопрос о распределении материала. Что здесь также нельзя итти в порядке нумерации, это очевидно. Но как итти? Здесь может быть два способа.

Первый способ — это расположение материала по его морфологическому значению. Что это значит? Поясним это примерами. Превращение чаще всего встречается пяти родов: 1) в завязке, как беда, вызывающая ход действия (мачеха превращает падчерицу в рысь и изгоняет ее); 2) как средство погони (превращение колдуна в волка, рыбу, человека, петуха); 3) как средство спасения от погони (превращение бегущих в колодец и чарочку, церковь и попа и пр.); 4) как средство наказания (неверная жена превращена в козу); 5) при решении трудной задачи. Встречаются и другие виды (превращение в птиц для быстрого полета и др.), и по всем этим видам и можно распределить превращение. Эти разделы можно озаглавить, причем такие заглавия полезно выделить жирным шрифтом или курсивом. Другие примеры: похищение может быть дано, как похищение в завязке (царевны змеем), как похищение волшебного средства героем (платочка у яги), как добыча искомого (похищение царевны героем), при исполнении трудных задач (украден конь царя, похищено подвенечное платье по поручению царевны) и, наконец, похищение может фигурировать в шванках, как ось всего рассказа. (Такие случаи уже лучше отнести в графу «воровство» с ссылками). Еще пример: трудные задачи бывают: 1) в связи с добычей волшебного средства (задачи яги перед отдачей коня и др.);

2) в связи с сватовством (объездить коня и пр.). Есть случаи и другого применения трудных задач. Такой способ распределения можно назвать морфологическим: функции распределены по их значению для хода действия.

Для расположения указанных подрубрик, а также для распределения тех действий, которые всегда имеют одно морфологическое значение (наказание, передача волшебного средства, погоня и др.), можно применить другой способ, а именно—расположение по формам самого действия. Погоня может быть разделена на формы: полет, преследование с превращением, попытка поглотить и пр. Наказание распределяется: расстрел, сжигание, потопление, сбрасывание. Такой способ также экономен в отношении места, т. к. указав «расстрел» можно в дальнейшем ограничиться приведением наказывающего (если нужно), наказуемого и причин наказания.

Так как действия могут быть зафиксированы очень различно, т. к., далее, действие должно быть дано под общим заглавием (наказание) и частным (сжигание), то перед составителем и здесь должен стать вопрос об отсылках от одного заголовка к другому. Что лучше: отсыпать от общей рубрики к частным (т. е. наказание: см. сжигание, расстрел и т. д.), или наоборот (сжигание см. наказание). В этих случаях, конечно, целесообразнее отсыпать от частной рубрики к общей, где весь материал будет собран и систематизирован. Если же, напр., сжигание не является наказанием (сжигают дерево и пр.), то оно показывается тут же, а затем дается ссылка.

В заключение этого отдела приведем образец графы. В качестве примера возьмем графу «похищение». Для сравнения приведем обработку этой графы в указателе Д. К. Зеленина к Пермским сказкам.

Похищение жены 36, 342.—Елены Прекрасной из саду Кащеем Бессм. 60,—царевны 97,—платья подвенечного 93, 99,—кареты золотой 102,—мертвой невесты короля тремя пьяницами 115,—короны 129,—Бобою Маркобруновны 174,—Марфы-царевны 186,—петуха лисою 408, красавицы у кочевников 575 (не соответствует действительности). Срв. кража, воровство.

Мы видим, что, за исключением одного случая, материал расположен в порядке нумерации. Всюду указан лишь объект похищения, в 4-х случаях указан похититель, в 2-х случаях собственник похищенного. (Неясно, почему именно на данные случаи пала более полная фиксация). Разница между похищением—бедой и похищением—добычей не указана и из текста указателя в некоторых случаях установлена быть не может.

По нашему же плану (субъект—форма—объект—мотивы) этот же материал, распределенный морфологически, выглядел бы так:

Похищение: 1. *Как беда в завязке.* Купеческой жены Чудилицем после нарушения ею запрета 342.—То-же, Елены Прекрасной стариком 60.—Петуха лисой путем заманивая песней 408. 2. *Как добыча искомого.* Жены купеческим сыном (мужем) у ее отца на ковре-самолете 36.—Невесты (Маркобруновны) женихом (Бобою-кор.) у ее отца перед свадьбой с другим 174.—Мертвой невесты тремя пьяницами по поручению жениха у ее отца путем подмены трупа 115.—Царевны Иваном с заманиванием на корабль, по поручению Харка Харковича 186.—Царевны королевичем по поручению короля, с усыплением служанок 97.—Короны у вавилонской царицы пьяницей.

по поручению царя. 3. *При исполнении трудной задачи*¹⁾. Подвенечного платья и золотой кареты конюхом у царя при помощи коня 98, 99, 102.—См. воровство.

Кроме того, из рубрики «краж» мы внесли бы сюда случаи похищения волшебного средства и др. Под «воровством» мы бы показали случаи, которые не относятся к волшебным сказкам (ср. конь и лошадь), а рубрику «краж» не разрабатывали бы вовсе, трактуя ее, как синоним и снабдив ее ссылкой на похищение и воровство.

7. Мы можем теперь обратиться к рассмотрению качеств и свойств. Эта категория будет не слишком широкой. Самое понятие «качество» представляет собой философскую проблему, оно трудно поддается вполне отчетливому определению. Для выделения качеств можно пользоваться следующим приемом. Качества все уже фиксируются при персонажах. По окончании работы, просматривая эти части, можно будет создать нужные графы. Часть их может быть выделена и непосредственно при обработке текста. Здесь, однако, надо скорее остерегаться слишком большой широты, чем сжатости. Такие слишком общие графы, как «смелость», «доброта» и др. вряд ли заслуживают обработки. Но те качества, на которые обращает внимание сама сказка (домовитость, скучность, физическая сила, хвастливость и др.) должны быть показаны. Предсказать, какие именно качества выделятся в результате такой работы—трудно, но обратить на них внимание—надо.

8. Наконец, помимо явлений и элементов, фиксируемых с логической и морфологической, этнографической и др. точек зрения, указатель может обратить некоторое внимание и на стилистику сказки и на другие ее стороны. Слишком широко алфавитный указатель здесь, конечно, не может развернуться. Но совершенно отказаться от вовлечения материала с этих точек зрения—нельзя. Так, напр., указатель может дать присказки, может перечислить стихи, песни, вошедшие в сказку. Указатель может привести сказки, применяющие рифму. Кроме того, желательно дать разряды сказок, хотя бы по обычной классификации—на волшебные, о животных, шванки, легенды и пр. Как ни несовершенна такая классификация, она все же иногда облегчит работу исследователя. Можно бы указать также прибаутки, ценные сказки и др. Желательно указать сказочников и сказочниц.

9. Нам осталось сказать еще несколько слов о технике составления указателя. Казалось бы, что самый простой и рациональный способ, это—занесение материала на карточки непосредственно при прочтении текста. Но такой способ не может быть рекомендован. Доказывать его нерациональность нет необходимости. Недостатки его выясняются только на практике и доказывать их в статье—совершенно бесполезно. Из опыта можно указать, что, в силу самой системы, составитель, даже при самом аккуратном отношении, всегда будет делать такие упущения, которые затем потребуют кропотливейшей и неблагодарнейшей работы исправления и пополнений.

Вместо этого может быть применен другой способ, а именно—предварительная табуляция материала. Таблица—это неумолимый контро-

1) Что понимается под „трудной задачей“, и как ее отличить от „добычи искомого“, об этом подробнее в названном исследовании.

лер, указывающий составителю все его пробелы и заставляющий его мыслить. Кроме того, т. к. материал расписан по графикам, можно окидывать одним взором большой материал во всей его связи, а не в отдельных кусочках, как это происходит, когда материал написан на карточке, которые на каждом шагу приходится раскладывать или перелистывать.

В основу таблицы может быть положен план, предложенный выше для обработки персонажей и предметов. В этот план входят и функции, и качества и пр., и им может быть охвачен весь материал. Каждый пункт этого плана делится на две подрубрики и, соответственно этому, графится таблица. В одну подрубрику выписывается материал, данный самой сказкой, а в другую — его определение, тот заголовок, под которым этот материал будет фигурировать в указателе. Таких заголовков для каждого материала может быть несколько, более частных и более общих. Здесь показываются и те заголовки, на которые и с которых впоследствии будет дана ссылка.

Если к упоминаемым девяти пунктам плана прибавить номенклатуру, то таблица будет иметь следующий вид:

Номенклатура.	{ a) Определяемый заголовок. б) Материал сказки.
1. Облик.	{ a) . . . . . б) . . . . .
2. Движение.	{ a) . . . . . б) . . . . .
3. Формы вызова.	{ a) б) . . . . .
4. Локальные связи.	{ a) б) . . . . .
5. Качества.	{ a) б) . . . . .
6. Формы добычи.	{ a) б) . . . . .
7. Что происходит с персонажем или предметом.	{ a) б) . . . . .
8. Другие атрибутивные признаки.	{ a) б) . . . . .
9. Функции.	{ a) б) . . . . .

Схема эта может быть приклеена к полюс обыкновенной тетрадки (или тетрадки в лист, где она разместится два — три раза).

Работа же ведется следующим образом.

Предположим, что мы натолкнулись в тексте на бабу-ягу. Заносим «баба-яга» в номенклатуру. Дальше мы видим, что она задает девишке трудную задачу. Выписываем эту задачу под функции (9б) и озаглавливаем ее (9а): «трудная задача». Все то, что мы выписываем в подрубрики *b* (материал), пойдет под заголовком «яга», но задача, кроме того под заголовком «задача». Далее мы видим, что она дарит девушке что-либо. Выписываем это опять под функции и озаглавливаем: «награждение». Отсюда мы видим, что яга—даритель. Это определение выписываем в номенклатуру в подрубрику *a* (определение), снабжая ее знаком «см.» это означает, что в заголовке «даритель» будет значиться «см. яга». Номенклатуру обычно придется выписывать сразу и в подрубрики *a* и *b*, так как обычно заголовок дается по номенклатуре самой сказки. Другие же определения (вроде «даритель») служат для ссылок.

Другими словами: первый пункт («номенклатура») есть общий пункт, под данным заголовком идет весь показываемый материал. Все другие заголовки показывают, по каким рубрикам материал распределится кроме того.

Самое трудное—это, конечно, давать правильные определения. Здесь, однако, нельзя и увлекаться. Если, напр., о коне записывается «вороной», то этот материал, кроме коня, нигде фигурировать не будет, т. к. вряд ли есть необходимость в заголовке «масть». В этом случае в подрубрике «определение» ставится черта, что означает, что данный материал идет только под первым заголовком («конь»). Некоторые графы могут заполняться не сразу, а постепенно, задним числом, по мере выяснения необходимости в той или другой графе.

Это—первый фазис работы. Она идет сравнительно легко и скоро. Не приходится много перелистывать (во всяком случае много меньше, чем при составлении карточек), и можно быть уверенными, что не будут пропущены определения, графы. Но в дальнейшем все же придется переписать материал на карточки, но уже—и эта разница очень существенна—не в качестве систематизирующей, а только в качестве технической работы, для подготовки алфавита. Каждое определение составляет карточку, равно, как и каждый случай материала, т. е. пишется: 1) конь: вороной 2) конь: подарен лешим, 3) конь: добывает подвенечное платье 4) трудная задача: добыча платья при помощи коня, 5) конь: подарен лешим=6) награждение: леший дарит Ивану коня и пр. Такая мелкая разбивка необходима, т. к. ведь материал впоследствии в пределах заголовка будет распределен систематически.

Этим кончается второй фазис работы. Третий фазис—это разложение карточек по алфавиту. После приведения в порядок алфавита идет уже разложение карточек внутри каждой графы по приведенной системе, а также и стилистическая обработка их. Материал часто невозможно сразу выписать так, как он будет выглядеть в указателе. Окажутся пропуски (для функций, напр., часто не будет выписан выполнитель, т. к. он показан в заголовке) и все это приводится в порядок. На этом работа заканчивается, остается переписка начисто с карточек на листы (см. стр. 73.).

Номенклатура.	{	a.	Старик.	I.
		b.	Старик, вдовец с дочерью.	
1. Облик.	{	a.	—	
		b.	—	
2. Движение.	{	a.	—	
		b.	—	
3. Формы вызова.	{	a.	—	
		b.	—	
4. Локальн. связи.	{	a.	—	
		b.	—	
5. Качества.	{	a.	—	
		b.	—	
6. Формы включен.	{	a.	—	
		b.	—	
7. Чему подвергается.	{	a.	—	
		b.	Его дочь околдовыв. мачехой.	
		a.	—	
		b.	—	
8. Проч.атр.признаки.	{	a.	—	
		b.	—	
9. Функции.	{	a.	Женитьба.	Замужество, брак.
		b.	Женится вторым браком на ведьме. Выдает замуж дочь.	
		a.	Обличение, подслушивание, сожжение, расколдование, превращен.	
		b.	Подслушив. песнь околдов. дочери, обнаруж. подмену. сжигает кожух.	
Номеклатура.	{	a.	Мачеха, ведьма, жена.	4.
		b.	Ведьма, вторая жена старика.	
1. Облик.	{	a.	—	
		b.	—	
2. Движение.	{	a.	—	
		b.	—	
3. Формы вызова.	{	a.	—	
		b.	—	
4. Локальн. связи.	{	a.	—	
		b.	—	
5. Качества.	{	a.	Зависть.	
		b.	Завидует падчерице.	
6. Формы включен.	{	a.	—	
		b.	—	
7. Чему подвергается.	{	a.	Наказание, сожжение.	
		b.	Сожжена за подмену падчерицы	
		a.	—	
		b.	—	
8. Проч.атр.признаки.	{	a.	—	
		b.	—	
9. Функции.	{	a.	Изгнание, превращение, околдование.	Подмена.
		b.	Изгоняет падчерицу, превращает ее в рысь. Подменивает ее	
		a.	своей дочерью.	
		b.		

Номенклатура.	a. b.	Падчерица. Шадчерица.	2.	Дочь Дочь ведьмы.	3.
1. Облик.	a. b.	Красавица.		—	
2. Движение.	a. b.	—		—	
3. Формы вызова.	a. b.	—		—	
4. Локальн. связи.	a. b.	—		—	
5. Качества.	a. b.	—		—	
6. Формы включ.	a. b.	—	Rождение. Рождается во втором браке.		
7. Чему подвергается.	a. b. a. b.	Замужество, брак. Подмена. Выдана замуж. Подмена свод- ной сестрой. Изгнание. Околдован. Превращ. Изгнана Превращена в рысь. мачехой.	Подмена. Изобличение, сож- жение, наказание. Ею подменена падчерица и сожжена.		
8. Проч. атр. признаки.	a. b.	—		—	
9. Функции.	a. b. a. b.	Превращение, оборотничество, кормление. Превращена в рысь, кормит ре- бенка, обернувшись женщиной.		—	
Номенклатура.	a. b.	Мамка. Мамка.	5.	Шкурка.	6.
1. Облик.	a. b.	—		—	
2. Движение.	b. a.	—		—	
3. Формы вызова.	a. b.	—		—	
4. Локальн. связи.	a. b.	—		—	
5. Качества.	a. b.	—		—	
6. Формы включ.	a. b.	—		—	
7. Чему подвергается.	a. b. a. b.		Оборотничество. Сожжение. Шкурка рыси, сброшена для кормления ребенка и сожжена.		
8. Проч. атр. признаки.	a. b.	—		—	
9. Функции.	a. b. a. b.	Пение. Обличение. Поет над сыном околодованной женщ., вызывает обличение.		—	

10. В заключение дадим частичную разработку одной сказки. Мы выбираем небольшую, но сравнительно богатую сказку, а именно «Арысь-Поле» (Аф. 149). Содержание ее сводится к следующему.

Старик с дочерью женится на ведьме. Мачеха ненавидит падчерицу, предлагает мужу изгнать ее. Вместо этого он ее выдает „за хорошего человека“. Рождается сын. Мачеха превращает падчерицу в рысь и изгоняет ее, подменивает ее своей дочерью (дочь—ex machina). Мамка выносит ребенка к лесу и поет, рысь скидывает шкурку, кормит ребенка. Старик подслушивает, сжигает кожух. Изобличение и сожжение ведьмы и ее дочери.

Этот материал может быть занесен в таблицы следующим образом. (См. таблицы). Для большей наглядности заголовки выделены жирным шрифтом. В скобки поставлены синонимы, от которых или на которые в указателе будет дана ссылка. При переписке материала на карточки и соответствующей стилистической обработке этот материал даст следующие карточки: (карточки с повторными заголовками здесь для краткости озаглавлены шифром «id»).

Карточки от таблицы № 1.—1. Старик—вдовец с дочерью 2. id. его дочь околов. мачехой. 3. id. женится на ведьме. 4. id. выдает замуж свою дочь. 5. id. обнаруживает подмену своей первой дочери дочерью ведьмы. 6. id. сжигает кожух околованной дочери. 7. Женитьба вдовца с дочерью на ведьме. 8. Замужество. Дочь вдовца выдана за хорошего человека. 9. Сожжение кожуха отцом превращенной в рысь дочери. 10. Подслушивание. Отец подслушивает песню мамки при кормлении ребенка околованной матерью 11. Обличение. Отец обнаруживает подмену жены, его дочери и т. д.

Точно таким же способом переписываются карточки с других таблиц. По окончании работы обрабатываются ссылки, создается единобразие, выкидываются дублеты и т. д.

Разумеется, в данной работе решены далеко не все вопросы составления указателя. Целый ряд вопросов возникает, напр., при составлении алфавита, при обработке ссылок и пр., но входить во все детали этой работы не может войти в задачи короткой статьи. Даже если данная статья только заставит обратить внимание на дефекты существующих указателей и на возможность их устранения, то и тогда цель этой работы будет достигнута.

**Commission pour l'étude des contes populaires 1927.
Compte-rendu des travaux par les membres de la
Commission sous la direction du Président de la Co-
mission S. F. d'Oldenburg, membre de l'Académie.**

**Aperçu sommaire des travaux de la Comission des contes populai-
res 1927.**

N. P. Andreiev. Le «Recueil-ethnographique du pays de Pensa»
par V. F. Nevezorov. (Compte rendu).

Le recueil manuscrit de V. Nevezorov contient 155 pièces de con-
tes, légendes, anecdotes etc., recueillies en 1914—1916. Vu la pénurie
des matériaux de ce genre publiés pour le pays de Pensa, ce recueil
présente un intérêt considérable.

V. J. Tchernychev. Contes et conteurs du «Coin de Pouchkine».

Au cours de l'été 1927 l'auteur a passé près de trois semaines au
«Coin de Pouchkine», c'est à dire dans les environs du village de Mi-
khailovskoïé, district d'Opotchka du Gouvernement de Pskov, à faire des
observations sur la langue, les moeurs, les croyances et les légendes du
pays et à noter par écrit les chansons et contes anciens conservés dans
le peuple. Le nombre des contes recueillis est de 52. L'auteur donne
une caractéristique des conteurs et une liste-registre des contes avec
indication de leurs variantes et avec des résumés des sujets traités
pour les textes connus, y ajoutant des références au catalogue d'Aarné.

N. E. Ontchoukov. A travers le folklore de l'Oural.

L'auteur décrit son excursion dans l'Oural pendant l'été 1927.
A Sverdlovsk il prend note d'une légende récente sur la famine ainsi
que d'autres légendes circulant dans le pays. L'auteur présente aussi la
description d'un manuscrit de contes conservé au Musée de Taghil, donne
le texte d'un conte de loups-garous chez les «Pélerins» (secte religieuse),
cite des contes pris dans la région du village de Merkouchine, parle du
folklore au «Réformatorium» (prison d'enfants) de la ville de Verkho-
tourié. Il donne des exemples de poésies et d'enigmes.

M. B. Edemskii. Contes du Nord.

L'auteur rapporte ses observations faites en 1927 à Mézène et
dans d'autres lieux au Nord. Il donne aussi des renseignements sur
des matériaux recueillis et mis à sa disposition, par d'autres personnes.

A. J. Nikiforov. Matériaux de folklore de la région de la Pinéga, recueillis en 1927.

Une liste est dressée des conteurs et des contes de la région exploitée. Les contes sont accompagnés de références portant sur des variantes, déjà connues et sur des pièces figurant au catalogue d'Aarne.

A. J. Nikiforov. Le conte populaire pour enfants; genre dramatique.

L'auteur fait ressortir la nécessité de distinguer dans la vaste masse de contes dont nous disposons différents genres spéciaux et offre au lecteur un essai de caractéristique d'un de ces genres. La méthode de l'auteur n'est pas celle suivie communément dans les travaux d'histoire de la littérature, mais essentiellement folkloriste, c. à. d. que ses observations faites sur le conte embrassent non seulement le texte, mais aussi la forme, la manière de conter. L'auteur fait montre de sa méthode, en établissant un groupe séparé, pas très nombreux d'ailleurs, de contes destinés surtout aux enfants, dont il forme un genre spécial de «conte d'enfants dramatique».

Ce groupe embrasse entre autres les contes dits cumulatifs

Après avoir analysé les particularités des contes de ce groupe inhérentes à leur mode d'exécution, d'une part, et à leur côté formel de construction, d'autre part, l'auteur arrive à définir le genre en question comme suit:

«Par conte du genre dramatique j'entends un conte ayant pour base un sujet-schéma simple, bref, stable quant aux variantes, biparti comme construction, renfermant des éléments sujets à répétition sous une forme fixe qui se groupent autour d'une action centrale déterminée (de préférence de «rencontres») et présentent un caractère franc ou latent de dialogue — à exécuter comme règle en récit théâtralisé».

V. A. Proppe. Sur les procédés à employer pour dresser des tables de matières annexées aux recueils de contes.

L'auteur met en évidence les défauts des tables existantes, alphabétiques et autres, qui sont fort arbitraires et incomplètes dans le choix des matières et manquent de système dans leur disposition.

L'auteur donne les indications nécessaires pour remédier à ces défauts.
